

Автор
бестселлеров
«ПАТОЛОГИИ»
и «ОБИТЕЛЬ»

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ОПОЛЧЕНСКИЙ РОМАНС

Новая проза

18+

Захар Прилепин. Проза

Захар Прилепин
Ополченский романс

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прилепин З.

Ополченский романс / З. Прилепин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Захар Прилепин. Проза)

ISBN 978-5-17-132703-3

Захар Прилепин – прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий “Большая книга”, “Национальный бестселлер” и “Ясная Поляна”. Автор романов “Обитель”, “Санькя”, “Патологии”, “Чёрная обезьяна”, циклов рассказов “Восьмёрка”, “Грех”, “Ботинки, полные горячей водкой” и “Семь жизней”, сборников публицистики “К нам едет Пересвет”, “Летучие бурлаки”, “Не чужая смута”, “Взвод”, “Некоторые не попадут в ад”. “Ополченский романс” – его первая попытка не публицистического, а художественного осмысления прожитых на Донбассе военных лет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132703-3

© Прилепин З., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Жизнь	5
Шахта	16
Дорога	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Захар Прилепин

Ополченский романс

Жизнь

Теперь у него была белая “пятёрка”.

Жизнь получилась странной, словно не подготовился к уроку, проснулся от этого в дурном настроении, нарочито неспешно брёл в школу по снежной грязи, противно ныло в животе, на оклик одноклассников с другой стороны улицы не откликнулся, за сто метров до школы свернул во дворик, решил прогулять весь день, но и прогул не задался – блукал без дела, ранец становился с каждым часом тяжелей, плечи ломило, ноги промокли, томился, хотел есть, но денег не было, пытался найти монетку возле дальних магазинов – и повезло, но тут же подошёл такой же, как он, прогульщик, только на две головы выше и без ранца, со слюнявым губастым ртом, ехидно улыбаясь, сказал: “Это я выронил – давай сюда”; пришлось отдать скользкий полтинник, обещавший чай и пирожок; потом, за автобусной остановкой, долго смотрел в темноту, оглушённый и униженный, в глаза падал снег, на остановке вели какой-то несусветный разговор мужчина и женщина, не слыша друг друга – словно оба были глухими; домой всё не шёл, зная, что там хворая мать; когда к вечеру, озябший и голодный до противной, предобморочной тошноты, всё-таки явился, та была напугана: оказывается, в школе отменили уроки, – ждала сына весь день, и даже приготовила курицу, – а его всё не было, и курицу сожрал старший брат, оставил только горлышко и смятое крыло.

Такой вот странной оказалась жизнь, вся.

В профтехучилище выяснилось, что у него руки наперекосяк, в армии – что его бьют чаще, чем остальных, хотя остальных тоже били. Однако его били не только старослужащие, но и собственный призыв, хотя как сказать – били; так, издевались, понукали, отыгрывались – каждый за своё, но ведь у него тоже своего было предостаточно, ему бы тоже отыграться на ком-нибудь, – но у него для этого никогда не хватало зла и задора, – а ведь его почти уже подружку затащили в чужую кровать даже не через год, и не через полгода армеечки, а в ночь после проводов, и явившийся на присягу старший братан про всё это, гогоча, рассказал, а мамка явиться была не в силах, и вообще скоро померла, – на похороны его отпустили, но потом пришлось вернуться в часть, и никто не взял во внимание, что у него горе, что матери больше нет, и его всё так же изводили и гоняли, а брат тем временем разменял родительскую квартиру, и сам остался жить в центре, а вторую хатку, для младшенького, приобрёл в пригороде, в барачном доме.

Туда и вернулся с армии.

Соседи были вечно пьяны, непрестанно дрались и орали, день с ночью не различая, – откуда столько сил: он им даже завидовал.

Вкуса обиде добавляло то, что старший брат – не служил; мать, пока была здорова, откупила и отмазала его, – а младшего уже не смогла: все деньги подчистую уходили на лекарства; и та жареная курица была едва ли не единственной за несколько лет материнской болезни.

Мать пожила бы побольше, но, едва его призвали, ухода за ней не стало никакого.

Старший не то, чтоб свёл её в могилу, – но не попридержал на земле точно.

Однако вёл себя при этом так, будто, пока младший прохлаждался, – он тянул на себе мать, как проклятый. И вообще манера общения у старшего была такая, словно он и не косил ни разу – а оттянул и срочку, и ещё года три по контракту, причём в “горячей точке”, хотя никаких горячих точек тогда уже не было: одни уже выкипели, а другие только закипали.

Вокруг тоже дымилось: одни кричали про самостоятельность, другие про иуду генсека, третьи лечились мочой, четвёртые повсюду видели жидов, пятые затосковали и тихо ползали, как зимние мухи.

Соседи по бараку начали стремительно вымирать, словно у них закончился подзавод.

Зато откуда-то объявилось множество казаков; все бородатые, ядрёные; старший брат тоже записался в казачество, но ему быстро прискучило. Там, оказывается, дуван не делили, но, напротив, постоянно собирали деньги на нужды войска.

Перестав ходить на круг, старший продолжил что-то, как это тогда называлось, предпринимать исключительно для себя. Задачи у него были не из сложных, и легко делились на три составляющие: купить что-нибудь подешевле, продать это же подороже, не быть убитым на первом и втором этапе сделки; повторить всё заново.

Младший и не заметил, как их городок, и весь район, и область тоже переселились, не съезжая с места, из огромной страны – в страну поменьше; впрочем, тоже огромную.

Теперь он стал украинцем, хотя вроде был русским – по крайней мере, мать считала себя русской, а папашу они не застали – но брат, конечно же, пока казаковал, уверял своих атаманов, что их род – древний, запорожский, и казак он – наследственный.

– Из запорожских армян, – шутила подружка брата, хабалистая большезадая баба.

К младшему она относилась так же, как и брат: с ленивой брезгливостью.

С год после армии младший избегал и брата, и его борзых товарищей, и эту хабалистую подружку тоже.

Но потом брат объявился сам – он повзрослел и как-то, что ли, очеловечился, – позвал младшего на работу: возить, грузить, договариваться, разруливать те вопросы, что попроще; пытался всучить оружие – но младший отказался:

– В армии стрелял один раз, никуда не попал, и не хочу никуда попадать.

– Всё у тебя, бля, так... – разогнал было старший, но тут же оборвал себя; младший ему был нужен: он не хотел делиться с чужими, один компаньон его уже чуть не убил, второй едва не посадил, третий всерьёз подставил, жена – он успел жениться на своей хабалке – насоветовала втянуть младшего, чтоб в случае чего его и посадили.

Младший об этом скоро догадался, и при случае брату намекнул. Тот встал, как в душу раненый, посреди дороги и распахнул обиженный рот:

– Чтоб я – свою кровь – своего брата – и сдал? Ты сдурела, Маня? – старший считал возможным так его называть: в женском роде и Маней. – А как я матери в глаза смотреть стану?

– Какой матери? – не понял младший.

– Нашей матери!

Потом всё как-то сладилось, поплыло, похлюпывая; более того: хабалка подсунула младшему брату свою подружку. Подружка была в разводе, имела трёхлетнюю вечно больную капризную дочку, зато жила в своей двухкомнатной квартире с балконом.

Всё было подано так, что младшему, наконец, устроили жизнь.

Он женился на этой, старше его на два года, подружке, с дочкой и квартирой; свадьба была шумная и невнятная; гостей он не знал ни по именам, ни в лицо.

Дочка хронически не давала им совокупляться – ночью, на любое мало-мальское шевеление, вдруг приползала из своей комнаты и стояла у кровати, ожидая, когда мать запустит её под одеяло; если молодожёны запирались в ванной – визжала и билась о дверь головой с размаху; хотя какая там голова – с кошачью.

...вечно болело в паху, как у подростка.

Давал жене понять: мол, болит; она смотрела на него, как на конченого негодяя: ты ещё и недоволен чем-то? Может, тебе ребёнок мешает? Наш ребёнок?!

Однажды ответил тихо: "...с чего наш-то? – у неё отец есть..."

Его обозвали "животным", пришлось долго спать на раскладушке.

Жена простила, так уж и быть, на третью неделю, дав измученным голосом поручение – съездить к чёрту на кулички забрать ковёр, приобрела в долг; кстати, долг тоже надо было вернуть.

Ковёр оказался тяжёлым как танковая гусеница. Денег на такси не было – их и на ковёр-то едва хватило. Тащил его с какого-то склада километра два до трамвая, потом с трамвая до дома ещё километр.

Жили на четвёртом этаже, без лифта.

Думал, умрёт.

Почти плакал.

Сорвал спину.

Вся одежда была натурально сырой.

Думал: жена как-то отблагодарит хоть в этот вечер.

Она до полуночи пылесосила ковёр, потом рассматривала его и гладила рукой. Наконец, легла под одеяло и спросила проникновенно: “Скажи, красивый?” – он сипло согласился. Жена, довольная, тут же заснула. Даже приобняла его.

Семья!

Как она забеременела, он и не понял.

Ребёнок родился хлипкий.

Дочка новорождённого ненавидела.

Всерьёз боялся, что она его загубит.

Отцовские чувства пробуждались медленно; росли криво.

Здесь явился бывший муж.

Оказалось, что бывший муж никого не бросал, и не уехал в Россию навсегда, а сидел там в тюрьме, и тосковал по семье, ни о чём не догадываясь.

Развод, пока сидел, оформили за взятку; правда, из квартиры выписать его так и не смогли.

Жена несколько лет подряд всерьёз думала, что всё как-то обойдётся.

Ему ведь дали восемь лет, по особо тяжкой. В двадцать три бабьих года – восемь казались огромным сроком: была уверена, что на четвёртом десятке она в старуху уже обратится. Но явился он в её двадцать шесть, освобождённый условно-досрочно: так скоро, будто никуда и не уходил.

– Слушай, нам надо поговорить, – сказала жена второму мужу – и таким тоном, будто он был виноват во всём произошедшем больше всех.

– Далеко не убредай, – велел первый, только что вернувшийся из тюрьмы, муж. – Потом я с тобой побазарю... А то дальше поминки у тебя, так и не познакомимся.

...вышел во двор, на детскую площадку; впервые в жизни подумал о самоубийстве: как всё-таки хорошо – висеть здесь удушенным, под деревьями.

Уехал к себе, в барак; квартира отсырела по углам; за отошедшими обоями шуршали тараканы, по матрацу тоже что-то ползало.

Но заснул с удовольствием, крепко.

Мог бы запить – но ещё до армии понял, что с алкоголем у него нелады: всякий раз жутко блевал, и следующий день лежал в лёжку. Травку курил иногда, но тоже в меру, и без того удовольствия, что испытывали, скажем, однополчане.

Обещанного разговора не случилось. Он заглянул к бывшей только раз, дней через десять: забрать какие-то документы и вещи. Возле самой двери, уже поднявши руку к звонку, вдруг услышал, как страстно кричит жена.

Ей было хорошо.

Некоторое время стоял, оцепенев. Потом, тихо ступая, пошёл с четвёртого этажа вниз: ни о чём не тоскуя, никого не жалея.

Документы восстановил понемногу сам.

Одѣжки старший брат подкинул.

Пока, раскрыв шкаф в прихожей, брат выбирал из вещей и обуви, что ещё годится в носку, его хабалка нудела, стуча ножом на кухне и говоря о младшем в третьем лице:

– А чего он его пустил, уголовника? Мужик он или кто? Сказал бы: теперь я здесь живу, вымѣтывайся!

Она-то с самого начала знала, что муж подружки сидит; но братьев вовремя не оповестила.

Старший в это время раздражѣнно искал второй ботинок не новых, но крепких берцев.

Взвесив тот, что держал в руке, поднялся и, прямо через весь длинный коридор, запустил в жену. Загрохотала посуда, жена умолкла.

– Нашѣл второй? – спросил брат. – Ага, давай.

Младший молча и бесстрастно передал.

Старший с уверенным замахом бросил вослед вторым берцем.

Брак с бывшей женой расторгли за такой же величины взятку, что и заключили.

Однажды она сама привезла вещи; показала сына; была в кои-то веки без претензий, и одета неплохо.

В подаренных братом берцах проходил год-другой.

Сын подрастал; они виделись, и даже возникло что-то вроде дружбы: гараж, рыбалка, то-сѣ.

Потом и собственная машина появилась: брату отдали долг белой “пятѣркой”.

До того “пятѣрка” простояла в гараже, кажется, лет двенадцать – и была совершенно необъезженной, хоть и с лёгким запахом затхлости, словно в ней хранили бельѣ.

У брата, который так и не разбогател, но более-менее держался на плаву со своей “ипѣшкой”, уже имелись две личные машины, плюс ещё одна – записанная на хабалку; да и не сел бы старший никогда на “пятѣрку”.

В общем, подарил младшему, и даже не в счёт зарплаты, как предлагала ему жена, – а так.

– Тебе ж сорок лет, – напомнил старший.

И правда: ему было сорок.

“Это, что ли, и есть жизнь?” – подумал он.

Это и была жизнь.

Катал сына на машине.

Завѣл себе щенка: кто-то подбросил к сараям напротив дома – пожалел, что замѣрзнет, забрал покормить; тот и прижился. Длинноухий – видимо, полукровка какой-то охотничьей породы.

На прогулку хозяин набивал себе карманы мелко порезанной колбаской. Приучал ко всяким командам. Пока была колбаса – щенок слушался и смотрел влюблѣнно, снизу вверх.

Потом – вмиг – убежал.

Искал его порой по часу, по два. Пѣс выходил откуда-то, лукаво винясь, волоча зад и вяло помахивая хвостом.

Жизнь – всегда унижение; да.

Надо было б щенка иной раз отстегать, наказать – но как в армии не умел никого бить, так и сейчас не научился.

Долгое время на Новый год ездил к брату, хотя всегда чувствовал там себя лишним, никому не любопытным, чужим.

Теперь с братом всё пошло на лад; хабалка смирилась. Раз-другой даже пели втроѣм, обнявшись.

Родня!

Но однажды приболел на новогодние – и понравилось Новый год встречать вдвоём с этой вот неверной собачкой; так и повелось: в первом часу выходил во двор, к соседям, – и ему радовались, и собаку знали по имени: свои люди, чего же. Рядом живут, бок о бок, только через стену. Сколько народа уже перехоронили вместе.

Потом встретили очередной Новый год втроём: он, собака и сын, – и совсем славно получилось.

Сын теперь жил с ним по неделе, а то и по две – учился, конечно, кое-как, но не вредничал, не дурил, уроки тянул – и на том спасибо.

Первого мужа бывшей снова посадили; и снова надолго.

Подкидывал ей денег – всё-таки она сына вырастила.

Раз столкнулись: он – и бывшая с дочкой: а дочка вымахала, в юбке, красивая, ароматная.

Говорит:

– Дядя, я помню тебя! – Обняла, прижалась. – Приходи к нам!

Научил сына ездить на машине, теперь сын катал отца по степным дорогам.

Подросшую дочку тоже пару раз покатали, ей понравилось.

Однажды явилась бывшая жена – без звонка, просто так. Принесла бутылку вина.

Он и в этот раз пить не стал. Посидел с ней молча.

Сказала:

– Думала, ты не мужик. А ты мужик. Терпеливый, жалостливый, добрый, щедрый. Не носит тебя по сторонам. Идёшь, куда идёшь.

Отвёз её на “пятёрке” обратно. К тому дому, куда однажды тащил ковер.

Уже открыв правую дверь “пятёрки”, она вдруг перегнулась через рычаг переключения скоростей и поцеловала его в удивлённые губы.

Посидев с минуту, понял, что так – жарко, мокро, запахнуто – она поцеловала его первый раз в жизни. Оказывается, умеет.

...первый и последний.

Размышлял об этом, держась за ручку переключения скоростей и чуть покачивая её.

Потом перегнулся через правое сиденье, открыл и закрыл дверь: бывшая не захлопнула толком.

“Пятёрка” получилась – как оценка за целую жизнь. Не “копейка” какая-то. Не “двойка”.

И жена была – ещё ничего: даже в свои за сорок. Надо же: а мать в том же возрасте казалась совсем старой. Всё как-то изменилось в мире.

Собака пропала, ждал её с месяц; не вернулась.

Толку было изумляться и этой потере... Завёл другую собаку.

Другая тоже не слушалась, убегала – ну так что же: всё бежит.

В очередных поисках собаки столкнулся с женщиной: та свою тоже потеряла, разговорились.

Оказалось: вдова, помоложе бывшей жены, но ненамного; дочка у неё выросла, уехала в Киев учиться, но неясно, учится или нет. Деньги в любом случае велела больше не высылать – свои имеются.

Женщина была полноватой, и руки пухлые, и лицо часто потеющее, но глаза – живые, удивлённые, постоянно озадаченные чем-то: словно ей хотелось раз за разом разгадать ту или иную загадку.

И она так смотрела на него, будто он разгадку знал.

Всё, что его касалось, вызывало у неё приятие и одобрение: у тебя и сын есть? Ой, такой большой, красивый, умный! Ой, он у тебя и машину водит сам! Почти так же, как ты, хорошо! Ой, а ты и готовишь! И убираешься! И стираешься! И в армии служил! Какая у тебя фотография красивая! С присяги? Ты не очень изменился, только возмужал! Может, и зря ушёл из

армии, сейчас был бы полковником. А мой-то всем говорил, что пожарным был, что служил... На том свете тоже, что ли, заливают всем? А там же ведь не обманешь? – всерьёз спрашивала.

Он всерьёз отвечал:

– Не обманешь, – как будто бывал на том свете.

Она вела себя, словно ей было едва за двадцать; он, напротив, старался выглядеть ещё взрослей, и чуть ли не впервые в жизни у него получилось, – хотя внутри себя он сразу догадался: вот она, юность пришла; но где ж его юность была до этого? И если сейчас – юность, – что тогда было десять лет назад, двадцать? Двадцать пять? Как это называлось?

Сыну новая подруга понравилась. Сын вообще был покладистый.

Подступала пора знакомиться с её дочкой. Ждали на зимние каникулы, дочка даже сообщила поезд, на котором прибывает, но не приехала.

Подруга расплакалась – лицо мало того что потное, ещё и заплаканное; он её утешал. Доутешался до того, что остался ночевать у неё.

Она, когда меж ними всё происходило, тоже удивлялась – как будто и не было у неё никакого мужа никогда, и всё ей было в радость и в приятную диковинку.

Они примерились друг к другу – и как-то сразу подошли.

Тем временем её дочка увлеклась столичными событиями: там, на главной киевской площади, разворачивалась революция. Собравшиеся много пели, глаза у всех были счастливые, детские. Дочка даже мать приглашала туда – попеть. Мать волновалась и продолжала зазывать дочку домой.

Потом там, на площади и в округе, начали стрелять и драться друг с другом насмерть.

Вот, – мелькало на экране, – митингующий лежит, убитый пулей, виден живот, а в животе всё умерло. Вот боец спецназа в чёрной форме горит ярким пламенем и ошалело размахивает руками; потом валится на асфальт, догорать.

Вот мёртвых стало много: целое кладбище.

Вот вдруг выяснилось, что ещё живые люди рады чужим смертям – потому что верят: умирают плохие. Просто у одних плохие были – те, а у других – эти.

Соседи по бараку сопереживали не митингующим, но спецназу: выходили во двор, орали там и размахивали руками, словно тоже начинали подгорать.

Старший брат всё пытался выгадать – с кем ему быть: борзые компаньоны, почти все, были за киевлян; зато казаки – против.

В конце концов, брат по своей воле отнёс казакам тугую пачку денег – хабалистая орала так, словно он продавал её почку. Она тоже была за киевлян, и хотела, наконец, как она это называла, пожить по-человечески.

– А ты как жила до сих пор? – спросил старший брат.

Младший же смотрел на всех молча, доверял каждому и не верил никому, а больше всего удивлялся, отчего люди так скоро всё поняли в огромных событиях, когда и в своих – маленьких – за целую жизнь не в состоянии разобраться.

Он боялся только за новую, так мило потеющую лицом женщину – что она уедет за дочкой, и пропадёт.

Однажды над их городком низко пролетел самолёт.

В другой раз встретился на улице казачий разъезд: казаки были в форме и с оружием.

Потом начались перестрелки.

Он ни в чём по-прежнему не участвовал.

Потом в центр городка упал первый миномётный снаряд; и сразу второй, третий, четвёртый, пятый.

Он сел на свою “пятёрку” и помчался к сыну, непрерывно названивая ему.

Там все сидели на кухне: бывшая жена, бывшая дочка, сынок.

– Женщину убило в центре! – выпалил сын.

Бывшая жена повторила сказанное сыном, но на свой лад: убило женщину, а ты что собираешься делать со своей семьёй?

Бывшая дочка смотрела глазами, полными слёз.

Он вывез их к родне – в деревню неподалёку от российской границы; сам вернулся обратно.

С каждым днём становилось всё хуже; однажды он услышал выражение “линия фронта” и догадался, что эта самая линия проходит здесь – где он прожил свою жизнь.

Бомбёжки уже через неделю стали обыденными; его школа сгорела – когда-то мечтал об этом, а теперь не обрадовался совсем; страшнее всего были авианалёты: даже если бомбы сбрасывали далеко, собака пугалась и надрывно скулила под кроватью, оставляя там мокрые потёки.

Раз угодил под миномётный обстрел посреди городка – кое-как припарковал машину, бросился к ближайшему дому, залёг под низеньким балкончиком малоэтажки: вспомнилось что-то армейское, давнее, дальнее, хотя вроде там и не учили этому.

Когда миновало, вернулся к машине – увидел, что впопыхах не закрыл дверь, а собака-то была с ним, сидела на задних сиденьях, – а теперь её не оказалось на месте. Застыдился, как никогда в жизни: бросил пса! что тот о нём подумал?

Сиденья, и даже потолок были в собачьей слюне и в шерсти: стало понятно, что, напуганная грохотом, собака металась во все стороны, пока не вылетела наружу... и где вот она? Разве найдёшь её теперь?

Перед его “пятёркой”, совсем рядом, стояла “Волга” – когда тормозил, едва в неё не влез.

Выйдя на середину перекрёстка и покричав собаку, заметил, наконец, что у “Волги” справа взрывом вынесло стекло, и в нескольких местах пробита осколками дверь. Подошёл ближе – и увидел упавшего на руль человека без затылка. Всё, что было в голове, густо стекло ему на спину: как будто огромная раздавленная гусеница.

Через неделю вызвонил старший брат: подъезжай.

Подъехал – а старший брат в форме, и уже офицер, “летёха”: “Пойдёшь в ополчение?” – “Нет”. – “Ко мне, ординарцем!” – “Нет, конечно...” – “Да, ты всегда такой был!”

На этот раз ничего не ответил старшему, даже не хмыкнул, но тот не унимался: “Матери как в глаза смотреть будешь?” – “Какой матери?” – старший махнул рукой, садясь в машину. Машина была новая, джип, не его.

По городку теперь шлялись многочисленные ополченцы: звероватые и разнузданные. Затоваривались в магазинах сигаретами, водичкой, чипсами, консервами, макаронами, водкой, но часто не платили вовсе, или отдавали только половину денег – обещая вернуться чуть позже и доплатить с лихвой.

При бомбёжках и прочих передрягах ополченцы могли остановить машину, резво вытаскивать водителя – и, крикнув: “Нам на передок!” – или: “Нам за раненым!”, – уехать на ней навсегда.

Если водитель не входил в положение – убивать не убивали, но вполне могли пострелять над головой.

Отъезжая, из раскрываемого окна – чтоб слышать подлёты мин – бросали визитку: позвони, мол, потом, рассчитаемся.

На визитке могло быть написано что угодно: министерство обороны, парикмахерская, мойка, кройка, досуг.

В общем, он “пятёрку” на всякий случай не мыл: чтоб выглядела похуже.

Приехал к своей женщине – забрать и перевезти отсюда подальше, – а та вдруг будто ошетинулась: “А кто ты мне такой? У меня дочь, понимаешь, дочь! Придет – а меня нет! А

где я? А с мужиком уехала, которого и не знаю! У мужика этого брат в ополченцах! Он её не расстреляет, твой братец, дочку мою?”

Всё это было несправедливо, обидно, противно.

Огорчился; ушёл.

Катался к границе по делам брата, привозил то одно, то другое – старался не вникать, чтоб именно везёт, – брат платил щедро, давал проездные бумаги с несусветными печатями, а порой и сопровождающего во всеоружии: чтоб пропускали через блокпосты.

Иногда на блокпостах встречались знакомые – по школе, по училищу, по работе, а порой вдруг стояли толпою вовсе не местные, а откуда-то, вроде как с гор, спустившиеся.

Ополченцы всегда выглядели грязно, небрито – но отчего-то казались весёлыми, как будто у них у всех тут происходила огромная свадьба.

Поначалу военная техника была совсем редкой: на первый ополченский танк смотрели как на ожившее ископаемое чудо. Потом техники стало много; и вот уже она проходила мимо целыми колоннами, и тогда нужно было дожидаться на обочине, пока она отгрохочет, отпылит, минует.

Бывшая жена, дочка и сын выехали в Россию, жена старшего брата укатила куда-то в западную сторону, и пообещала, что вернётся с нормальными мужиками, которые наведут здесь порядок, выгнав пьяную, ссаную и драную русню.

Русни и правда было вокруг многовато, но и местные отбыли далеко не все – в ополчение записывались те, от которых меньше всего ожидалось; ходили дурные слухи о полевом командире – как раз из здешних, – взявшем позывным имя персонажа одного американского комикса. Вид у командира был пренеприятный – но вообще незнакомые и возбуждённые люди с оружием кажутся красивыми, только если ты сам один из этих людей, или когда видишь их издалека.

Полевой командир пользовался всем местным городским хозяйством как собственным; это было объяснимо: нужды фронта, содержание ополченских подразделений, помощь раненым, похороны убитых, – всё было на нём. Но всё-таки – он перегибал.

Как-то полевой командир явился в администрацию городка. Там прочно сидел городской глава, который сразу принял сторону местного населения, киевских угроз не испугался, и, как мог, вытягивал городской обрушившийся быт. На всякий пожар и обстрел неизменно выезжал сам – и завалы разгребал собственными начальствующими руками. Но полевой командир главу взял под арест, в его кресло сел сам, оставшихся в городке журналистов вызвал на разговор, и пока его снимали, крутился на кресле, постоянно выпадая из кадра.

На столе лежал его “Стечкарь”.

К тому времени уже наступила осень; осенью обещали мир, но никакого мира не случилось – разве что украинские самолёты перестали летать: их посбивали.

Все дороги были пересыпаны осколками. Шины на “пятёрке” приходилось менять по несколько раз в неделю – раньше столько проколов не случилось и за год.

Старший брат скоро получил капитана; был часто пьян и буен; разругались с ним окончательно.

Младший устроился на работу в одну контору, которой продолжали платить киевскую зарплату, – в соседнем городке; снял там же, чтоб далеко не ездить, квартиру – жилья теперь было предостаточно, и оно подешевело в разы.

Люди в офисе сидели тихие, уставшие от новостей; слышно было, как шелестит бумага. Едва начиналось – хотя обстреливать стали всё-таки пореже, чем летом, – бежали в подвал.

В подвале стоял чайник, конфеты в раскрытой коробке, кто-то всегда оставлял книжку с закладкой – обжились.

Раз пересидели обстрел, вышли – а там уже снег выпал.

Он посмотрел на снег и спросил себя: “Ну и чего я?”

Как раз завтра была суббота.

С вечера купил шампанского; даже цветы нашёл – это его удивило больше всего: в единственном большом продуктовом был уголок, где уставший мужчина невнятного возраста с бесцветными слезящимися глазами продавал цветы; и он так оживился, когда к нему обратились – про все подробности, сочувственно улыбаясь, расспросил: “...невеста? Как хорошо!” – бумагой обложил букет в три слоя.

Руки у продавца были такие, будто он их отмывал всякий раз до белых пятен; а ногти подстрижены очень коротко. На плечах – старое пальто.

Другие продавцы в магазине сидели в старых кофтах и в поношенных вязаных шапочках. Отсчитав сдачу, дули на руки и залипали, как дремотные птицы.

Позвонил. Сразу взяла трубку. Почувствовал, что соскучился.

– Дочь не вернулась? – спросил.

Она тоже обрадовалась.

– Нет-нет, но звонит, ругает меня, говорит – а чего я здесь делаю, – а я говорю: “Как чего? Квартиру твою стерегу! Всё же закончится! Всё будет, как было, чего ехать-то, куда, может, и позади уже всё самое страшное...” – она щебетала то весело, то грустно, он слушал, совсем перестав понимать слова.

– Завтра приеду? – спросил.

Конечно, говорит, приезжай, я уж думала, говорит, пропал совсем.

“Пятёрку” намыл сам, руками, тряпкой, как в стародавние времена. Такая красавица оказалась, когда отмылась. Даже испугался, что украдут теперь. Несколько раз в окно выглядывал за ночь.

Машина стояла будто прижавшись животом к дороге, тоже напуганная.

Выспался плохо, но поднялся довольный собой.

Вынул цветы из кувшина, стряхнул воду, снова обернул их в бумагу – получилось похуже, чем у того продавца в пальто, но всё-таки. Шампанское забрал с подоконника.

На улице выпал новый снег.

Долго прогревал “пятёрку”, вслушиваясь в почти звериное урчание мотора. На улице было тихо; не стреляли.

Сразу вильнул на объездную.

Возле блокпоста привычно начал сбавлять скорость, но ему махнули: проезжай, – его узнали, он как-то угощал местных бойцов сигаретами.

Двинулся не по трассе, а параллельной, грунтовой: трассу иногда обстреливали, а грунтовку почти нет, да там и покороче было.

Доехал без приключений; за пару километров до городка его обогнал тот самый полевой командир с позывным из комикса – два чёрных джипа без номеров.

Джипы шли на аварийках: так все ополченцы ездили, чтоб их, без промедленья, пропускали.

Пристроился следом, даже поддал газку – зная, что всё равно скоро отстанет, но как бы выказывая свою независимость: я вас не боюсь, я тоже здесь живу, ничего вы мне не сделаете, да и перевозил я вам с границы столько всего в своё время, что ещё неизвестно, кто кому тут должен.

Дальше всё происходило слишком скоро, чтоб испугаться, и слишком ярко, чтоб забыть.

Первый джип резко затормозил и стал принимать на обочину, объезжая какое-то препятствие, второй тоже начал притормаживать, в обоих джипах уже открывались двери – бойцы собирались выпрыгивать и занимать позиции; но тут же началась уверенная, жесткая, безостановочная стрельба.

Он успел удивиться, что от джипов летят не просто стёкла – но, как показалось, целые куски обшивки: железо, пластмасса...

Падая на сиденье, чувствовал сильнейшие толчки: “пятёрку” дёргало и встряхивало. Вот пробили одно колесо, вот второе, вот сверху посыпались стёкла.

“Убьют, – понял он. – Смерть”.

Стрельба длилась не больше полутора минут.

Потом слышались шаги. Потом хлопок гранаты, потом ещё один хлопок, и несколько одиночных выстрелов.

В промежутке между выстрелами он услышал человеческое дыхание.

Только тогда догадался, что лежит щекой на букете. Вся бумага с букета расползлась.

– Эй, мужик, – сказали ему. – Встань-ка. И ручки, да, перед собой.

Он поднялся, держа руки с растопыренными пальцами так, как обычно делают, пугая детей.

Медленно, всё ещё ожидая выстрела, перевёл взгляд на человека, стоявшего возле двери “пятёрки” и смотревшего в окно.

– Шампанское у тебя, цветочки, – удивился тот. – Оружия нет?

Ответил одними губами: нет. Голос совершенно отсутствовал. Едва ли его ответ был слышен.

Человек был в белом маскхалате, и видны были только смешливые, но совершенно ледяные глаза.

Выговор человек имел твёрдый, лишённый всякой южной округлости, русский.

– Езжай потихоньку; извини, – сказал человек в маскхалате. – На обочину только не выкатывайся, а то подорвёшься.

...успел заметить промельк ещё нескольких маскхалатов: стрелявшие исчезли за пригорком, с которого и вели стрельбу...

“Если они спускались добить всех с той стороны, справа, – догадался он, – значит, там и нужно объезжать. А мины слева...”

Каждую мысль он проговаривал в сознании словами, чтоб эта мысль не рассыпалась.

Слева было поле. В нескольких метрах от второго, ближнего к “пятёрке” джипа, лежал на грязном утоптанном снегу человек в форме. Ещё один – возле заднего колеса.

Крови почему-то заметно не было; видимо, ещё не натекла.

Он повернул к себе зеркальце заднего вида и всмотрелся в своё отражение. Сначала увидел совершенно сумасшедшие глаза. Затем потёк крови на совсем белой щеке, и прилипший лепесток розы, выглядевший слишком ярко – наверное, от белизны и бледности кожи.

Кровь, кажется, шла оттого, что укололся шипом.

Цветы, хоть и потрёпанные, всё так же лежали на сиденье.

И шампанское не было разбито.

Машина по-прежнему, как ни в чём не бывало, работала.

Больше никаких звуков, кроме мотора “пятёрки”, слышно не было.

Он снова развернул зеркало заднего вида, – чтоб видеть происходящее позади.

Позади было чисто.

Включил первую и медленно тронулся, объезжая джипы справа, и стараясь никуда не смотреть.

С этой стороны тоже лежал один человек, на боку, с открытым ртом.

Пришлось проехать ему по ногам.

На миг возник нелепый страх, что человек сейчас вскрикнет и начнёт ругаться.

Пробитые колёса издавали разнообразные шумные звуки: свистели и будто хлестали разлапистыми крыльями по дороге.

Всё мнилось, что за автомобилем кто-то на многочисленных ногах бежит, – посматривал в зеркало: нет, только чернели изуродованные джипы.

Дорога была белая, в нетронutom снежке: по ней за всё утро ещё никто не проезжал.

Из расстрелянных окон дуло, и в салоне кружились снежинки.

Он ожидал, что скоро понесутся навстречу машины: военные, медпомощь, – его остановят, будут допрашивать, цветы тем временем совсем помёрзнут и повянут...

Но странным образом никто не появлялся.

Блокпост на въезде в город тоже оказался пуст: впервые за последние полгода.

Так и докатил.

Вид машины с пробитыми колёсами и без стёкол не слишком удивлял редких прохожих. За минувшие месяцы они видели сотни таких машин; и в каждом дворе ржавело по дюжине: с драными бортами и вывороченными капотами.

Заглушил мотор. Бережно взял цветы и шампанское, вышел под мягкий снег.

Подумал: закрыть машину, или не стоит? Всё-таки закрыл: зачем отвыкать от прежних привычек.

Поднялся, постучал, открыли.

Всплеснула руками: ой, цветы, ой, шампанское.

– Выйдешь замуж? – спросил сразу; голос всё не возвращался, словно спрятался где-то внутри.

– Куда выйти? – напугалась она. – Я ж и не одета совсем, господи. А чего у тебя кровь?

– Замуж выйдешь? – повторил снова, чуть твёрже.

– Выйду, выйду, конечно, – наконец расслышала она. – Ты чего весь в стекле-то?.. Милый ты мой, непутёвый...

– Путёвый, – сказал.

И вдруг добавил, вдыхая тёплый вкусный воздух:

– Курицей пахнет у тебя.

Шахта

Надо было брать весь город, пока не пришли военные.

Много военных и много техники, как в Харькове.

И пока не приехали ультрас.

Много ультрас, и с оружием, как в Одессе.

Администрацию в городе тогда уже взяли, а здание милиции – нет.

Засылали своих ходоков через знакомых ментов – предлагали оставить здание миром – но главный милицейский начальник тянул время и выгадывал: а вдруг всё переменится.

Здесь явился Лютик и говорит:

– Всё, капец. Немцы в городе.

Самого Лютика было ничем не напугать, но выразался он так, словно нарочно сеял панику.

Весил Лютик сто с гаком туго перевитых жилами килограмм, а позывной ему дали от слова “лютый”.

“Немцами” уже тогда называли враждебных украинцев с той стороны.

– Где? – спросил Лесенцов, позывной “Комбат” – хотя никаким комбатом он не был.

Лютик назвал адрес. Самая окраина города.

– У меня там дружок живёт, одноклассник, – пояснил Лютик. – Его дом как раз напротив.

Лютик был местным.

Лесенцов доверял Лютику до такой степени, что выдал ему вторые ключи и от квартиры, которую снимал, и от своей машины – серого “паджерика” на блатных российских номерах, прокуренного как курилка, но резвого и неприхотливого.

Лютик уже пару недель беспрекословно выполнял любые поручения Лесенцова – хотя в прежней жизни, кажется, не слушал никого.

Поехали к дому одноклассника.

Во всех дверях, в бардачке, в подлокотнике, в подстаканнике, в плетёных карманах кресел “паджерика” были рассованы зажигалки, спички и сигареты – блоками, пачками и враспыльную.

Третьим в машине был Скрип – казах по национальности, но тоже местный.

Лесенцов знал его на три дня меньше, чем Лютика, но тоже привык к нему, как к самому родному.

Лютик был мордастый, веснушчатый, – лицо словно разогретое на сковородке, но всегда с одного краю: у него вечно странным образом подгорала то щека, то ухо.

Скрип был высокий, с длинными ногами, длинными руками, длинными пальцами, и даже языком каким-то длинным, как у тех животных, что ловят языками насекомых, с лицом будто запялённым, умноглазый, чуть косящий – впрочем, это ему шло, придавая его непрерывным шуткам особое лукавое очарование.

Лесенцов приехал сюда из большой России на шум начинающейся войны.

В городе постоянно постреливали, отбирая у прежней администрации то один объект, то второй, но главный фронт ещё находился далеко. Самые прозорливые и недовольные переменаами горожане уже оставляли квартиры, выезжая отсюда прочь.

Машин, особенно дорогих, поубавилось.

Оставшиеся владельцы авто, едва ли не через одного, крепили на капоты и крыши триколоры или красные, советские, с весёлой звездой, флажки.

Люди много улыбались. Машины часто сигналили друг другу, не требуя пропустить – но делясь ликованием и весенними предчувствиями.

Возле дома, где жил одноклассник Лютика, оказалось пустынно, и припаркованных машин было всего две.

– Нас тут выпасут сразу, если ещё пару раз появимся, – предположил Лесенцов.

– Ага, – согласился Лютик, – выпасут.

Одноклассник уже ждал, приоткрыв дверь подъезда, торча круглой и взлохмаченной только на макушке, как у луковицы, головой. Невнятно поздоровавшись, сразу начал говорить. Он не умолкал, запуская гостей в подъезд, и в лифте тоже, пока тросы, скрипя, тянули их всех на седьмой этаж, продолжал что-то пояснять Лютику, перескакивая с одного на другое, и захлёбываясь собственным волнением. Лесенцов понял едва ли треть из сказанного.

– В той комнате – мамка, – предупредил одноклассник зачем-то и провёл гостей в свою. – ...Вот их дом, смотрите. Будьте аккуратнее, я прошу.

Разглядывали по одному из-за шторы. То невооружённым глазом, то в бинокль Лютика.

Двухкомнатная квартира в пятиэтажке напротив, третий этаж, два окна: кухня и комната. Третье окно выходит на торцовую сторону. Балкона нет.

– Окна видите какие: стеклопакеты, утеплённые, шумоизоляция, – пояснял Лютик, уже тут побывавший. – В комнате оконный проём зашторен, и даже, кажется, завален – матрацами, или ещё чем. Но на кухню выходят покурить, по одному человеку. Все здоровые. Несколько бритых. Думаю, всего их восемь-десять.

Одноклассник Лютика на каждое его слово кивал, иногда открывая рот, чтоб добавить от себя что-то важное, но ничего толком не говоря.

– Точно не местные? – спросил Лесенцов, разглядывая в бинокль пустую кухню.

– Я тут с детства, – обиженно сказал одноклассник Лютика, заметно шепелявя. – Там мужик с бабой жили, но две недели назад отбыли вроде бы в Киев. Соседка сверху – моя мать её знает. Вдова полковничья. Сама как полковник. На все митинги ходит. На штурмы администрации тоже ходила.

Лесенцов едва поспевал за путанной мыслью одноклассника Лютика.

– Соседка за нас?

– Да. Сказала, что гости прибыли вчера ночью, на ПАЗике, ПАЗик тут же развернулся и уехал. Было много сумок. Ведут себя тихо, но курят – запах в подъезде уже сильно чувствуется. Кажется, даже за продуктами не выходят: всё привезли с собой.

– На площадке – три квартиры? – спросил Лесенцов. – А под ними знаете соседей?

– Я никого не знаю, но соседка всё рассказала. Рядом с ними пустая квартира. Она уже давно пустая. Напротив – живут люди. Бабка и дед. И снизу живут, но они на даче сейчас.

– Вот бы тихо забраться туда, в нижнюю... – сказал Лесенцов, и осмотрел всех, но никто не нашёлся, что ответить; только Скрип кивнул: да, неплохо бы...

– Надо бы понаблюдать, – продолжил Лесенцов. – У них здесь в городе должны быть контакты. Хорошо бы эти контакты пропалить. Можно у тебя остаться на денёк? – Лесенцов повернулся к однокласснику Лютика.

– Нет-нет, вы что. Мамка напугается, не надо. Она и так всего боится уже. Всё время смотрит на те окна.

– Скажи, чтоб не смотрела, – попросил Лесенцов.

Он уселся на диван и покачивал ногой.

У окна стоял ссутулившийся Скрип с биноклем, и с интересом смотрел, кажется, куда угодно, кроме тех самых окон.

– Баба, – сказал он.

– Там? – удивлённо встрепенулся Лесенцов.

Лютик тут же оказался возле Скрипа и попытался забрать у него бинокль. Скрип сделал мягкое отстраняющее движение плечом. Он в своё время был чемпионом Украины по боксу в юниорах.

– В другом окне баба, – сказал Скрип; и, помолчав, добавил. – А в этом – бритоголовый, как заказывали.

Лесенцов почувствовал, что у него забилось сердце. Это было смешно: в доме напротив на кухню вышел ничем пока им не угрожающий человек – а он уже разволновался.

“Чего ж дальше тогда будет?” – насмешливо спросил сам себя Лесенцов и сразу успокоился.

По очереди, стараясь не очень толкаться, они рассмотрели человека на кухне.

Человек был в майке, плотный, сидел возле окна, упёршись локтем в подоконник. Затягивался сигаретой, словно куда-то торопясь.

Через минуту исчез.

Вскоре появился другой – выше ростом, в рубашке.

Тоже очень быстро покурив и, забрав стоящую на подоконнике банку, пропал из вида. Затем мелькнула рука: он вернул банку на подоконник.

Ещё через минуту явился третий и двумя резкими движениями как следует задёрнул занавеску, – но так как занавеска была коротка, просвет образовался с другого края – там, где кухонная плита. На плите стояла сковорода.

Лесенцов отдал Лютику бинокль и уселся на место.

– Надо дежурство организовать возле их подъезда. Наверняка в город попрутся... Лютика нельзя, он слишком здоровый, и его на митингах видели. Скрипа нельзя...

– Он скрипит, – подсказал Лютик.

– Нет, он казах. Это заметно.

– Да? – удивился Скрип, и подошёл к зеркалу в углу комнаты. – А я с детства был уверен, что растворяюсь в толпе и неотличим от местных...

Некоторое время он рассматривал себя, бережно, как чужое, трогая лицо длинными изогнутыми пальцами, и одновременно косясь в зеркало на Лесенцова.

У Лесенцова была короткая стрижка, резкая проседь посреди головы – словно его лизнули серебряным языком, – и старый, изогнутый буквой “Г”, шрам на щеке.

Лесенцов сразу почувствовал взгляд, и подмигнул в зеркало.

Резко встал и вернулся к окнам. Ему не сиделось.

– И ещё надо понять, где разместить наблюдение, – сказал Лесенцов, разглядывая округу. – Если в машине – заметят. Если кругами вокруг дома ходить – тоже.

– Пусть там Лютик ковёр выбивает, – предложил Скрип. – Прикиньте: в пять утра является Лютик с ковром. И начинает выбивать. Шесть утра, семь... Полдень... Обед... Весь дом уже охеревает, а Лютик бьёт, бьёт, бьёт... Ковёр ключьями висит уже... А? Или палевно?

– Я по-онял... – вдруг протянул Лютик, морща лоб.

Скрип посмотрел на Лютика, но тот замолчал.

– Нет, с ковром палевно... – продолжил размышлять вслух Скрип. – Давай ты выдашь себя за шарманщика, Лютик? Будешь приходить к их дому и крутить шарманку. И петь куплеты. Никто ничего не заподозрит.

– Заткнись, – без эмоций посоветовал Лютик. – Слушайте. У меня отчим работает в городском такси. Он может телефонисток попросить заказы с этого дома перекидывать на него.

– Так, – сказал Лесенцов, и оглянулся от окна к Лютику. – А дальше?

– А дальше вот что, – сказал Лютик. – Отчим подсказывает ко мне, и я сажусь на его место в машине. А он покурит часок.

– Верняк, – удивился Скрип. – Лютик, это ж верняк! Если им пешком ходить – то надо спрашивать у местных, где трамвай, какой куда идёт – их сразу выкупят, как заезжих. С их-то рожами. Сейчас все на фоксе. Поэтому варика два: либо к ним заедут свои на тачке, либо они вызовут такси... Лютик! Колись, ты перестал дуть?

Лесенцов оценивающе разглядывал Лютика, как впервые увидел.

– А вот на таксёра ты действительно похож, – сказал Лесенцов.

* * *

Лютик тут же отзвонился отчиму.

Одноклассник дважды приносил Лютику и Скрипу чай. Скрип насыпал себе по шесть ложек сахара. Лесенцов попросил воды и пил маленькими глотками.

Через полчаса распрощались с одноклассником и его, вышедшей познакомиться с гостями, мамой: большие и полные слёз глаза.

Лесенцов погладил её по спине. Мама жалобно вздохнула.

На улице появилась новая машина – “девятка”. Возле неё стояли трое подростков. Левая передняя дверь была открыта – на левом кресле, выставив на улицу ноги, полулежал невидимый водитель.

– Знаешь этих? – спросил Лесенцов.

– Целый день тут торчат, – сказал Лютик. – Люлей моих дожидаются. Нет бы на митинг сходили разок, молокососы.

Лесенцов, едва касаясь руля, тронулся. Трое подростков не без нахальства рассматривали “паджерик”. Лежавший на переднем сиденье “девятки” водитель даже не привстал.

Выехав на трассу, Лесенцов закурил сигарету, и жадно затянулся четыре раза подряд.

– Так. Таксист. Тебе нужен ствол, – вдруг сказал Лесенцов, не глядя на Лютика, сидевшего справа.

– Не надо ему ствол, – убеждённо сказал Скрип с задних сидений. – Он из своего такси будет выходить, ствол у него вывалится, запрыгает по асфальту... Прямо представляю себе. Лютик за стволом побежит, косолапой своей походкой, еле нагонит... Сядет в машину, положит ствол вон прямо возле лобовухи. Клиент может что-то заподозрить.

– Я его зубами загрызу, если что, – сказал Лютик, не обращая внимания на Скрипа и сжимая в руке дешёвый кнопочный мобильник.

Раздался неприятный звонок, и Лютик, от неожиданности, вместо того, чтоб принять вызов, его сбросил, следом телефон неведомо как подпрыгнул в его руке, и с грохотом упал – судя по звуку, ровно в пенал правой двери, куда-то к залежам сигарет и зажигалок.

– Я же говорю, – заметил Скрип удовлетворённо.

– Отчим звонит, – сказал Лютик, найдя телефон. В слове “звонит” он, как и все местные, делал ударение на “о”. Лесенцов никак не мог их отучить.

Лютик перенабрал. Ещё слушая, левой рукой начал указывать Лесенцову – туда, туда, вперёд, быстреей.

– Понял, – сказал Лютик в трубку; отключился и, уже обращаясь к Лесенцову, добавил: – К телеграфу, соседнее здание, где кофейня. Отчим там ждёт.

– Заказали такси? – спросил Лесенцов быстро.

– Да. Только что. К их подъезду. Мужской голос, – быстро ответил Лютик.

Они уже видели жёлтую, с шашечками, машину отчима. Лесенцов с подвизгиванием шин развернулся через двойную сплошную, и пристроился за такси.

– Минуту! – попросил Лесенцов, придерживая готового выйти Лютика за локоть. – Берёшь клиента, везёшь... Дальше что?

– У меня телефон, эсэмэсну, если чё, – сказал Лютик, хмуря лоб и держа одну свою ладонь в другой: словно здоровался сам с собою.

Скрип явно хотел напоследок отпустить ещё какую-нибудь шутку, но не стал: жизнь становилась всё серьёзней.

– Мы где-нибудь здесь будем кружить, за тобой не поедем, – сказал Лесенцов.

– Да. Не надо, – согласился Лютик, и распахнул свою дверь.

Тут же отчим вышел навстречу Лютику из такси.

Они перекинулись с Лютиком парой неслышных из “паджерика” фраз. Лютик, продолжая говорить, запрыгнул на водительское место. Уверенно, закрывая на ходу дверь и не включив поворотник, вырулил на дорогу, и тут же вжал педаль газа до упора.

Отчим – не посмотрев ни на “паджерик”, ни вослед своему такси, – прошёл в пельменную, возле которой нарочно и припарковался: чтоб далеко не ходить.

Лесенцов, между тем, был уверен, что этот смурый мужик, не крутя головой, и номер “паджерика” запомнил, и его лицо. И то, что Лютик не включил поворотник, – видел тоже.

Лесенцов начинал привыкать к местным с их характерными привычками. Люди тут обитали несуетливые, внимательные, чуть тяжеловесные, самоуверенные. Себе на уме, но для друзей – надёжные.

– А давай по проспекту прокатимся? – предложил Лесенцов Скрипу, докурив очередную.

– Навстречу поедут – увидим их, – догадался Скрип.

– Именно, – сказал Лесенцов.

Они неспешно тронулись и поехали по правому краю, не слишком медленно, но и не торопясь – хотя обычно Лесенцов носился на бешеных скоростях, обгоняя и подрезая всё сущее.

Скрип сразу обратил внимание на их непривычную скорость.

– Если хоть кто-нибудь видел твой “паджерик” раньше – сразу поймёт, что ты на задании, – сказал он негромко и с характерной хитрецей в голосе.

Лесенцов довольно ухмыльнулся.

– Слушай, – вдруг вспомнил он, – Лютик же на митингах постоянно торчал возле трибуны. А то и на трибуне.

– Ну да, – согласился Скрип беззаботно.

– Сейчас вроде есть программы распознавания лица? – задумался Лесенцов.

– Ну да, – снова согласился Скрип. – Но чтоб ей воспользоваться, нашим гостям надо будет попросить Лютика к ним повернуться, и щёлкнуть его. Лютику это не понравится... Нормально всё. На первый раз его не распознают. И он не брился давно. Зарос весь.

Лесенцов кивнул.

– И не мылся, – добавил Скрип, подумав. – Чтоб программу распознавания запахов перебить.

Лесенцов снова, без улыбки, кивнул.

Зная, что мобильник включен, Лесенцов всё равно несколько раз скопился на экран: не упало ли, незамеченным, сообщение от Лютика.

– Вон! – обрадовался Скрип, усевшийся ровно посередине задних сидений.

Он указал в идущее им навстречу такси.

– ...нет, – сказал Лесенцов, присмотревшись. – Слушай, спрячься, мне кажется, тебя видно за километр.

– Ага, – легко согласился казах, и чуть сдвинулся за левое сиденье.

– Вон! – крикнул он Лесенцову почти на ухо.

– Ё-моё, – выругался, но в шутку, Лесенцов. – Я врежусь сейчас куда-нибудь... Это не та машина. Скрип, такси – они все жёлтые.

Скрип задумался почти на минуту.

– Не все, – сказал он, наконец. – Вон.

На этот раз это действительно был Лютик.

Его машина уверенно промчалась мимо.

В салоне сидел один пассажир, на заднем сиденье.

Лесенцов проехал до ближайшего светофора, и, убедившись, что из машины Лютика их было уже не увидеть, развернулся.

Догонять не спешил.

Он почувствовал, что Скрип немного разволновался. Они молчали и очень внимательно смотрели вперёд, словно вдруг въехали в мрачайшую туманность и потеряли путь.

Зазвонил телефон.

Медленным движением, почти сдерживая себя, Лесенцов взял трубку:

– Да... Да. Во что одет?.. Хорошо. Принял.

– Лютик? – нетерпеливо спросил Скрип.

– Да, – ответил Лесенцов. – Лютик сказал, что этот тип отпустил такси и пошёл пешком – там летнее кафе грузинское, помнишь? Тебе надо туда, Скрип. Не пропались только. Описываю человека: синие джинсы, майка-безрукавка, белая, без надписей. Кроссовки, пострижен бобриком, белёсый. Килограмм под сто. Ростом – меньше тебя, повыше меня. Метр восемьдесят где-то... Сейчас я тебя поближе высажу. Вот. Не спеши только.

Лесенцов некоторое время смотрел в спину Скрипа и пытался понять: это только ему кажется, что походка у казаха нарочито развязная, или тот всегда так ходил.

Чтоб успокоиться, Лесенцов сказал себе: всегда.

Нет, точно, всегда.

Его звали Скрипом не потому, что он скрипел, – он и не скрипел вовсе, – а потому что в детстве занимался не только боксом, но и ходил в музыкальную школу.

Скрип сам в этом признался однажды.

– Ну и что с того, что ты, Лютик, умеешь варить варенье, – сказал Скрип. – А я на скрипке играл.

– Как? – не поверил Лютик.

– А вот так: скрып-скрып, – серьёзно ответил Скрип, изобразив, что держит скрипку, и пилит её смычком.

Он был особенный.

Они все были особенные.

* * *

Белую безрукавку Скрип заметил сразу – парень сидел спиной, но уже не один: напротив располагался быковатый мужик, быстро оценивавший всех входивших.

Скрипу пришлось сесть через четыре столика от них, тем более, что кафе было полупустым.

Чтоб не выглядеть подозрительным, Скрип достал мобильник, и тут же позвонил подружке. Они были в ссоре, но подружка взяла трубку.

– Я хочу извиниться, – соврал Скрип; извиняться он не собирался, но надо было с чего-то начать.

Постепенно увлекаясь, Скрип понёс разнообразную, в своей манере, околесицу, прервавшись только на то, чтоб ткнуть пальцем в чашку кофе на последней странице меню, когда подошла официантка.

– И ты считаешь, что я – со всеми, известными даже твоей маме, присущими исключительно мне чертами и редкими, что скрывать, неординарными качествами, – вот я, – и могу так поступить? – чопорно спрашивал подругу Скрип.

...едва не пропустил скорый уход быковатого.

Быковатый перешёл дорогу и, пикнув сигналкой, уселся в свою тут же припаркованную красную “ауди”.

Скрип, невпопад сказав подруге “...как знаешь, как знаешь...”, тут же отключился, и, косясь на затылок по-прежнему сидящего к нему спиной типа в безрукавке, отбил Лесенцову

смску: “Контакт отъезжает, красная «Ауди», номер...” – и опять, пока парень в безрукавке не оглянулся, приложил телефон к уху.

– Нет, так дело не пойдёт! – сказал Скрип в безмолвный мобильник якобы подруге.

Некоторое время он сидел так, с мобильником, вжатым в продолговатый казахский череп. Наконец, выдохнул, и положил мобильник на стол, размышляя, чем бы ему заняться теперь.

На улице подсыхали лужи; было по-предвоенному солнечно.

Скрип достал из стаканчика зубочистку и прикусил, чуть перекатывая в зубах. Это действие показалось ему недостаточным.

Можно было, к примеру, свернуть салфетку в комок и бросить в бритого. А когда тот оглянется – подмигнуть ему.

“Нет, не годится”, – решил Скрип и махнул официантке. Надо было нормально поесть.

Тем временем Лесенцов второпях пролетел поворот, откуда на проспект от кафе выезжала “Ауди”, но успел заметить её в зеркало заднего вида. Пропускать её, естественно, не стал, а так и ехал впереди.

“Ауди” скоро свернула.

Лесенцов ещё за полминуты догадался, куда сейчас направится эта машина: к управлению милиции.

Проехав до следующего перекрёстка, Лесенцов на трамвайных путях свернул влево, и вернулся к милиционерскому зданию с другой стороны.

Да, “Ауди” стояла там.

Лесенцов заглушил “Паджеро”, чуть сдвинул кресло назад и закурил, длинно выпуская дым.

Убедившись, что за ним никто не смотрит, сфотографировал “Ауди” и выслал тому, кого здесь называли Командиром, – весёлому голубоглазому мужику.

Ещё минуты две листал инстаграм, разглядывая длинноногих девок. Девки не вызывали ни единой эмоции. С тем же успехом Лесенцов мог бы разглядывать дверные ручки.

Он приехал сюда ровно за тем, что его ожидало в самые ближайшие дни. Скорее, даже часы.

Лесенцов искал в себе реакцию на грядущее.

Реакция была как в стакане, куда бросили шипучую таблетку, – всё перебурило и осело. Теперь можно было пить.

Пикнула смска от Скрипа: “Клиент вызвал такси, ехать за ним? Я солянку заказал, жалко оставлять. Но могу”.

Лесенцов набрал Лютика.

– Знаю, знаю, – сказал тот. – Отчим отзвонился уже. Наш бритый едет домой. Я уж второй раз к нему не поехал, правильно сделал? А то примелькаюсь, – Лютик засмеялся.

– Правильно, молодец, – сказал Лесенцов.

– Чего делаем? – спросил Лютик.

– Дай пятнадцать минут, – попросил Лесенцов. – Перезвоню.

Он откинул спинку кресла, но так, чтоб видеть красную “Ауди”.

Поглядывал на кончик сигареты: уголёк потрескивал и переливался, как живой.

...первым всё равно позвонил Лютик.

– Новость! – пообещал он.

– Ну? – спросил Лесенцов.

– Та баба, что выше живёт – над немцами, – она знаешь чего вытворяет? Стакан к полу приставила и слушает целыми днями! Разведчица, ёпт!

– И что? – спросил Лесенцов.

– Нихера там не слышно.

– Это новость? – бесстрастно поинтересовался Лесенцов.

– Нет пока, – весело ответил Лютик. – Я, как только немец двинул домой, отзвонился однокласснику – чтоб он маякнул соседке послушать, как тот заходит.

– Та-ак... – Лесенцов даже приосанился.

– Они звонят, – сказал Лютик с привычным на “о” ударением. – Три коротких, один длинный. И ничего не говорят. Чтоб в подъезде, видимо, не подслушали. Молча заходят, понял?

– А глазок есть?

– Нет глазка! – обрадовал Лютик.

– Дверь железная?

– Нет, деревяшка. Но два замка. Но деревянная.

– Прекрасно. Просто прекрасно, – сказал Лесенцов.

– Ещё новость, но не такая весёлая, – сообщил Лютик. – У них один вернулся, а второй ушёл. И куда – не ясно.

– Принял, – ответил Лесенцов. – Перезвоню. Найдитесь со Скрипом и ждите... Не подеритесь только ни с кем опять.

Лесенцов погонял в голове мысль про ушедшего из квартиры – куда он мог пойти, как его разыскать, – но ничего, естественно, не придумал.

Набрал Командира. Имея такой позывной, военным Командир тоже, строго говоря, не был.

Верней, был, но гораздо раньше.

Как и Лесенцов.

Хотя мало ли, что там было раньше.

Лесенцов знал Командира две недели и один день. И это были удивительные две недели. Ради них стоило прожить предыдущие сорок лет.

* * *

Командир будто даже обрадовался дурным новостям.

– А мне, бля, – рассказывал он, пересыпая речь час-тым, хрустким как летний огурец, матом, – из Киева вот только звонили, предупреждали: “К вам выехала первая группа «правосеков», не пропустите!” Даже район назвали, где, ёпт. И точно! Ваш район. И фотографии выслали. Троих. Ты их видел?

– Нет.

Командир открыл на экране три фотографии.

– Гляди! – велел.

Обычные славянские лица. Разве что слишком сильно развиты челюсти. Впрочем, и Лютик, скорей всего, выглядит на фотографиях так же.

– Минуту, Командир, – попросил Лесенцов; сфотографировал каждую физиономию по отдельности и без комментариев выслал Лютику.

– И мента этого мы знаем, пидараса, – продолжал Командир. – Который на “Ауди”. Он вон даже и не боится, бля. Перебить бы их, сук, в одну ночь, сразу...

Тренькнуло входящее на айфон Лесенцова. Лютик прислал одну из фотографий обратно и приписал: “Он”.

– Он, – Лесенцов ткнул пальцем в одного из на экране ноута. – Лютик подтвердил.

Командир посмотрел внимательно в экран, и спокойно сказал:

– Надо прибрать. Думаю, их на завтрашнюю нашу демонстрацию и заслали. Если завтра утром они выйдут на “работу” – без крови не обойдётся. Понял? Их рассадят по крышам – и они народу здесь настреляют – охереть. Надо, чтоб они не вышли из квартиры вообще... Сделаешь?

Лесенцов кивнул, но сразу спросил:

– Мне ещё один человек нужен.

– Да. Сейчас. У меня как раз тут есть... не местный. Из Славянска вышел. Дак позывной. Хороший. Из российских контрактников. У своей тётки отдыхал в деревне под Славянском, и, когда началось, сразу ушёл в ополчение. У нас оказалось интересней, чем в российской армии. Двадцать два года, но, говорю, дельный. Пулемётчик. Вертолёт сбили позавчера, слышал?.. Вот он. Ему бы обратно сегодня в Славянск, но задержим на ночь. Завтра отправим. Или после-завтра... Какая там квартира, уже знаешь – планировка?

Лесенцов взял листочек, карандаш и нарисовал план квартиры, одновременно негромко объясняя, как собирается заходить и прочие подробности.

Командир больше кивал, но раз-другой дал дельные подсказки.

– Надо успеть до прихода патруля, – сказал напоследок. – Лучше, если б этот патруль вообще не вызывали, – но, да, не передужишь же их там, в квартире.

– Не передужишь, – согласился Лесенцов. – Уж как получится.

– Милицию не перестреляйте, – сказал Командир. – Обозлятся. И так уже...

– Не будем, – сказал Лесенцов. – Если только она нас. Нельзя ментов предупредить?

– Их предупредишь, – скривился Командир. – Тут же всю эту мразь из квартиры вывезут, и переселят под тройную охрану. Где-нибудь на генеральской даче.

– И то правда, – покивал Лесенцов. – Где наш, как его... Дак? Пора нам, думаю.

– Сейчас приведу, отсыпается...

– Я жду в машине тогда, – сказал Лесенцов.

У него кружилась голова: комната, где они сидели, была маленькой, без окон, а Командир нещадно курил.

Лесенцов забрал со стола листок с планом квартиры, вышел на улицу и медленно, словно оберегая себя от резких движений, сел в “паджерик”.

Включил зажигание, и, ещё не заводя машину, открыл окна.

Только посмотрев на лобовуху, заметил, что накрапывает дождик.

Выставил руку на улицу.

Да, дождик.

В ста метрах раздались несколько одиночных выстрелов, но никакого продолжения не последовало: ни криков, ни шагов...

Местные люди начинали привыкать к стрельбе.

Лесенцов снова неспешно перебирал всё то, о чём сейчас никак не следовало забыть.

Оружие у него имелось: стояло в одёжном шкафу, прямо при входе, в квартире, которую снимал.

Ополченцы и всякие прочие митингующие уже ходили по улицам вооружёнными: милиция к ним чаще всего даже не приближалась; но на телефонные вызовы всё равно обязана была являться – а дальше действовала по обстоятельствам.

Милиция чувствовала себя усталой и раздражённой: их ещё не распустили, но убить на улицах уже могли – и такое несколько раз случалось. Уголовные дела по факту убийств возбуждали, но расследования пока не велись.

...распахнулась дверь особняка, где жил Командир, и появился, видимо, тот самый Дак.

Он был в гражданке: джинсы, рубашка, дорогая, великоватая ему, кожанка.

“Командир подарил только что”, – догадался Лесенцов и завёл машину.

Работник при доме Командира – в старом комке и с “калашом”, – открыл механические ворота.

Усевшись в “паджерик”, Дак сразу, с мягкой улыбкой, представился.

Он мог бы показаться даже смазливый, но у него отсутствовал передний зуб. Это его, впрочем, не слишком портило. Рука Дака была очень крепкой, грубой, со вьёвшейся чернотой: смазка оружия, земля, гарь.

Они тронулись.

Нужно было забрать напарников и заехать к Лютику в гараж: там имелось всякое нужное железо, чтоб быстро выломать двери.

...но вариант со взломом Лесенцову не нравился.

* * *

По дороге Лесенцов набрал Лютика – спросил, не возвращался ли второй ушедший.

– Нет. Там пасут неотрывно, я зарядил и одноклау, и соседку, – отчитался Лютик. – Точно не возвращался.

Лесенцов принял решение: гараж – это долго; надо сейчас.

Через три минуты они с Даком забрали оружие из квартиры Лесенцова: три “Калаша” и ПМ с глушителем. Уже провернув ключ, Лесенцов вспомнил про одну вещь и снова открыл дверь – плевать на все эти дурные приметы.

Прихватил пачку петард со стола.

Через пять минут забрали в условленном месте Лютика и Скрипа.

Чему-то своему посмеиваясь, те забрались в машину – Лютик на переднее, Скрип на заднее. Хотя места позади было достаточно, Дак всё равно подвинулся, уступая Скрипу побольше пространства.

Лесенцов, не мешкая, двинул вперед.

Нарочито медленным движением вытянул сигарету из пачки, но прикуривать не стал, а катал её в пальцах правой руки.

Править это ему не мешало. Понемножку сыпался табак.

– Завтра утром их, скорее всего, рассадят по крышам, – сказал Лесенцов.

– Завтра же демонстрация, – тут же вспомнил Скрип.

– Да, – подтвердил Лесенцов. – Поэтому нам велели их прибрать. Сегодня. Предлагаю не ждать. Завтра или, скорей, ночью, они будут выходить уже вооружёнными. И тогда такое может начаться... Другой вариант: за ними могут заехать менты, забрать их.

– Наши менты? – спросил Лютик.

– Ну а чьи же. Наши, – сказал Лесенцов. – Ваши. И тоже вооружённые. И это совсем херовый расклад. Вместо восьми или десяти человек с оружием – будет, например, четырнадцать, а то и больше. Поэтому – сейчас. Пока они в квартире. Я хотел заехать к Лютику в гараж – чтоб было чем высадить дверь. Но если вышибать – это всё равно займёт минимум полминуты. За полминуты они напротив дверей могут пулемёт выставить. Если он там не стоит уже. Так что лучше не ломать. Будем надеяться, что нам откроют. А нам откроют, если мы успеем приехать, пока не пришёл их второй ушедший. Он не пришёл?

– Нет, – сказал Лютик.

За минуту, пока Лесенцов говорил, Лютик стал совершенно ошалевшим, и горели у него теперь обе щеки и лоб – будто утюг приложили.

Лютик хотя бы служил в армии, в морпехах. А Скрип-то – нет, не служил. Скрип только бил людей; правда, очень многих людей, и пару раз едва не сел в тюрьму за нанесение тяжких телесных.

Лесенцов посмотрел в зеркало заднего вида, чтоб оценить, как выглядит Скрип, но никого не увидел.

– Дак? – позвал Лесенцов.

– Я! – чётко, но негромко, ответил Дак.

– Что скажешь?

– Нужен план квартиры, – сказал Дак. – И понять, в какой очередности заходим. И кто в какую комнату.

– Пять минут, – сказал Лесенцов.

Они, чуть сбавив скорость, подъехали к дому одноклассника. Лесенцов с излишней даже старательностью – чтоб в первую очередь себе доказать, что спокоен, – припарковался.

Метрах в двадцати, грохоча музыкой, стояла всё та же “девятка” с открытыми дверями. Около “девятки”, пытаясь перекрыть собственную музыку, перетаптывались те же трое подростков. Четвёртый всё так же валялся на водительском сидении, выставив наружу тонкие ноги.

– Пойду скажу им, чтоб заткнулись, – сказал Лютик, и уже открыл дверь.

– Стой, – велел Лесенцов. – Не надо.

Лютик тут же прикрыл дверь, по инерции сохраняя зверское выражение лица.

Лесенцов достал листок с планом квартиры.

Из-за музыки ему приходилось почти кричать. Он говорил три минуты. Для ясности пририсовал кружки с буквами: “К”, “Л”, “Д”, “С”, и стрелки, указывающие движение каждого по квартире.

Переспросил: “Вопросы есть?”

Лютик крутнул головой.

Скрип крутнул головой.

– Гранату бы, – сказал Дак. – Хотя б одну.

– Гранат нет, – ответил Лесенцов. – Есть, но за ними надо возвращаться к Командиру. Потеряем время. Нам надо сделать всё сейчас же.

Дак, перегнувшись через задние сидения, поочерёдно достал из багажника автоматы.

По каким-то одному ему понятным признакам оставил себе один из “Калашей”, и сложил возле ноги три магазина, быстро оглядывая каждый – до конца ли снаряжён. Один пристегнул, дослал патрон в патронник и снова поставил автомат на предохранитель. Другой магазин засунул сзади, под выпущенную рубашку, в джинсы. Третий – уложил во внутренний карман куртки, но сразу же проверил, насколько легко извлекается. Извлекался идеально. Куртку застёгивать не стал.

Лесенцов вдруг додумал прежнюю свою догадку: предложив Даку переодеться – чтобы постирать форму, в которой тот приехал, – Командир вынул наугад что-то из шкафа верхней одежды, на выбор, и тогда Дак, трогательно улыбнувшись, спросил: “... вот эту возьму, можно? Карманы хорошие...”

Уже вечерело.

Лесенцов приоткрыл свою дверь.

– Комбат, нам с тобой? – спросил Скрип.

– Нет, сидите, – сказал Лесенцов и выпрыгнул на мягкую землю.

Он подошёл к подросткам. Показал знаками, чтоб сделали музыку чуть потише.

Один из подростков, помедлив, влез в машину с правой стороны и чуть прикрутил негрятянский речитатив.

– Парни, – сказал Лесенцов. – У меня есть пять тысяч гривен и пять тысяч русских рублей. Хочу девушку порадовать, за которой ухаживаю. Плачу вам за пять минут простейшей работы.

– Одна минута – тысяча гривен и тысяча рублей? – уточнил один из подростков.

– Ты паси: у него номера российские, и тачка дорогая... – процедил второй. – Чего ему пять штук.

– Вот деньги, – достал Лесенцов. – Могу сразу заплатить.

– Давай сразу, – сказал второй спокойно.

Лесенцов передал деньги.

– Шо хотим? – спросил взявший деньги.

– Напротив дом, двенадцать “Б”, верно?

Лесенцову в ответ кивнули, не расходуясь на слова.

– Надо подъехать вот с того, правого торца, под окна. Дождаться, когда я зайду в подъезд, досчитать до тридцати и включить вот эту песню, которая у вас играет. На полную громкость.

– Эту? – переспросил первый подросток. – Другие есть. Точно на полную?

– К Арихе приехал! – догадался второй. – Слышь, у неё парень, – с лёгкой брезгливостью сказал он Лесенцову.

– Разберусь, – ответил Лесенцов. – Только одну песню, ладно? Сколько она, минуты четыре идёт? Три? И как только песня закончится, сразу уезжаете. Вот сюда же. Или куда хотите. Подальше. А то она ругаться будет.

– Будет, – согласились с ним.

– И вот ещё, – Лесенцов достал петарды. – Пока песня играет, взрывайте петарды. Всю пачку надо извести. Хоть по три сразу взрывайте.

У него забрали пачку и начали вертеть в руках, поочерёдно разглядывая с нарочитым пацанским скепсисом.

– Хорошие петарды, – сказал Лесенцов.

– За петарды ещё пятьсот гривен, – сказал тот же подросток, что уже взял деньги.

Лесенцов порылся в карманах и нашёл триста.

– Сойдёмся?

Ему даже не кивнули.

Лёгким шагом Лесенцов вернулся к “паджеру”, и, усевшись, оглядел своих бойцов.

Скрип спрятал автомат под безразмерной спортивной кофтой, Лютик – в белый пакет. Дак всё ещё держал “Калаш” на коленях, положив на железо спокойные руки.

– Можно закурить? – спросил Дак, указывая подбородком на пачку в подстаканнике машины.

“Он всё это время не курил, – подумал Лесенцов. – Дождался моего возвращения. Вот выдержка у человека. А если это последняя его сигарета? А он ждал. Не взял без спроса...”

– Конечно, бери всю пачку, – ответил Лесенцов. – Лютик, как там, не явился наш пропащий немец?

– Нет, не приходил, – сказал Лютик.

Лесенцов уже медленно выруливал. Сердце его колотилось и ныло.

Притормозил возле “девятки” – там, наконец, совсем вырубил музыку, и, с третьего раза, завелись, но ещё не трогались.

Из “девятки” вышел неспешный водитель, – такой же малолетка, как и все остальные.

Он, судя по внешнему виду, спал всё это время.

Лесенцов приоткрыл окно.

– Я не понял, мне за тобой? – спросил подросток, всё ещё пытаясь разлепить слипшиеся глаза; рот у него тоже едва открывался.

Лесенцов выдохнул, успокаивая себя.

– Нет, я с левого края припаркуюсь, чтоб Ариха меня не видела. А ты – с правого, под её окнами. Потом поставь кого-нибудь из своих на угол проследить за нами. Когда мы с пацанами зайдём в подъезд – досчитай до тридцати, и врубай музыку.

– А ты со своими пацанами? – спросил водитель, и попытался заглянуть в “паджерик”, облизывая губы сухим языком, с таким видом, словно его тут могли чем-то угостить.

– Да. Это артисты. Из цирка. Будем мою невесту веселить, – приветливо улыбаясь, сказал Лесенцов, и нажал кнопку поднятия стекла.

Подросток, хмыкнув, пошёл к своей машине.

– У вас тут все дети такие борзые? – спросил Лесенцов то ли Лютика, то ли Скрипа.
– Это не борзые, – ответил Скрип.

Лесенцов припарковался слева от соседнего дома, носом сразу на выезд.

Проследил, как подростки объехали здание, чтоб встать где-то с другой стороны.

Людей возле дома не было.

– Если по уму, – сказал Лесенцов, поворачивая ключ, – в нашей машине кто-то должен остаться, и не глушить её. Но по уму – не сегодня...

Они быстро повыпрыгивали из “паджерика” и скорым шагом прошли вдоль стены до крайнего, нужного им, подъезда. На углу дома уже стоял подросток и смотрел на них. Выражения его глаз в полутьме было не разглядеть. Хорошо, что первым шёл Лесенцов, у которого из оружия был только ПМ за поясом – автомат он оставил дома. Вторым следовал Дак, спрятав автомат за полог куртки – и, пожалуй, это было заметным. Третьим – Лютик с пакетом, где “Калаш” едва помещался, и никак не походил ни на что, кроме “Калаша” в пакете. Как выглядел Скрип, Лесенцов даже не посмотрел.

Подойдя к дверям, Лесенцов увидел кодовый замок.

– Какой код? – спросил он нехорошим, сорвавшимся голосом. – Лютик?

– А я знаю? – ответил Лютик.

Лесенцов и так уже понял, что Лютик не знает.

Подросток следил за ними с угла.

“...что сделать? – метался Лесенцов. – У подростка спросить? Но он из другого дома, скорей всего. Сказать Лютику, чтоб позвонил соседке? Но он же не знает номера её телефона! Значит, надо позвонить однокласснику, чтоб тот сказал матери, чтоб та позвонила соседке... О, боже...”

Лесенцова тихо обошёл Дак и, присев возле двери, щёлкнул зажигалкой.

Спустя несколько секунд железно чмокнул замок, и дверь поползла навстречу.

– Цыфирки кода обычно потёрты, – пояснил Дак, и пропустил Лесенцова.

Тот, заходя, махнул подростку рукой, и успел заметить, что на углу тот стоял уже не один, – виднелись ещё две башки.

“Как бы они сами милицию не вызвали”, – проговаривал почти вслух свои мысли Лесенцов: это придавало механистичности каждому его действию и отвлекало от того, что должно было начаться через двадцать пять, двадцать, пятнадцать секунд.

Прошелестел пакет, сброшенный Лютиком с “Калаша”.

Лесенцов вытащил ПМ с досланным патроном в патроннике, и нёс его в руке.

Подойдя к двери, сделал левой рукой три коротких и один длинный звонок. Даже слишком длинный.

К некоторому удивлению Лесенцова, вдруг загрохотавшая на улице музыка оказалась слышна даже в подъезде.

С той стороны двери что-то спросили, но он не расслышал, что именно, и стоял в растерянности: “...а если не откроют? что тогда? чёрт!.. если не откроют?”

– Да кто там? – крикнул кто-то в квартире, но замки уже проворачивали свои челюсти, и Лесенцов понял, что спрашивали не его, и не про него, а про подростков, врубивших на улице музыку, и даже успел услышать из-за дверей ответ: “Те же придурки, что вчера!”

Дверь поползла внутрь квартиры.

Лесенцов с силой ударил в дверь ногой и тут же выстрелил в грудь успевавшему отшатнуться человеку. У человека был в руке пистолет, но это уже не имело значения.

За ним стоял ещё один – в шортах и голый по пояс – с карабином, но в него выстрелил Дак из автомата. Лесенцов в этот миг уже свернул влево, в коридор, ведущий на кухню, и, ещё не видя там никого, двигаясь по коридору, дважды выстрелил – пули вошли в стену, из которой полетела во все стороны белая извёстка. Сделав три стремительных шага, Лесенцов, вытянув

руку с пистолетом, оказался на маленькой кухне, и увидел человека, зачем-то забравшегося столешницу; в одной руке этот человек держал кухонный нож, который тут же метнул в Лесенцова. Нож больно ударил Лесенцова рукояткой в лоб; в другой руке человек держал железный чайник, но им не успел воспользоваться: Лесенцов выстрелил ему в живот.

Человек сначала ударился спиной о навесные полки с посудой – загрохотали многочисленные тарелки, – а потом тяжело и слишком медленно повалился на пол. Лесенцов выстрелил ему ещё раз куда-то в бок.

Заметил, что из крана струёй бьёт в тарелки вода; и, на ходу сменив обойму, вернулся по коридору обратно в прихожую, успев за эти три шага услышать только одну автоматную очередь, – дальше наступила тишина, – и подумать, как минимум, о нескольких вещах.

Он подумал: “Ванная, совмещённая с туалетом, – слева от входной двери, а от меня сейчас справа. Ванную зачищал Скрип. Как бы он не вышел мне навстречу на звук моих шагов и не застрелил меня”.

Он подумал: “Перестали стрелять: а если убили всех моих людей – что тогда? Я сейчас выгляну в комнату и буду сразу застрелен с нескольких стволов? Нельзя ли этого избежать?”

Он подумал: “На улице не играет музыка, я её не слышу. Точно не прошло три минуты. Куда делись эти чёртовы подростки? Я же им заплатил”.

Все мысли вместились в один стремительный промельк.

Лесенцов дошёл до конца коридора, видя убитого им первым выстрелом человека, и, чуть присев, чтоб не получить пулю в голову, заглянул налево, в комнату.

В комнате валялся на боку второй, застреленный Даком.

Больше никого не было.

В углу работал телевизор. На столике возле телевизора стояли две раскрытые банки тушёнки.

Из этой комнаты вход был в следующую, вторую, справа. Там раздавался шум открываемых шкафов.

Тут же из второй комнаты явился Лютик.

– Всё? – спросил Лесенцов.

У Лютика были огромные глаза.

Автомат он держал так крепко, что, казалось, может переломить его.

– Там трое, – сказал Лютик. – Дак всех сразу, подряд. И добил из своего пистолета, – Лютик шмыгнул носом. – Я даже не стрелял, – признался он.

Поднявшись, Лесенцов обернулся к туалетной комнате: а где Скрип?

Скрип уже стоял в коридоре.

Лесенцов спросил у него глазами: что у тебя?

Скрип кивнул головой в сторону туалета. Он был бледен и глаза его горели.

Лесенцов заглянул в туалет.

Всё было в крови, в битом стекле и в мыльной пене. В ржавой ванне лежал расстрелянный человек с многочисленными пулевыми ранениями и, кажется, без глаза. Душевой шланг бил вверх. Кровь, текущая из ран, тут же разбавлялась водой.

– Дверь в ванную была заперта, – сказал Скрип. – Я отсюда его застрелил. Через дверь. Только потом выбил её.

Входная, в подъезд, дверь удивительным образом оказалась кем-то прикрыта.

Лесенцов прошёл во вторую комнату, к Даку.

Двое убитых лежали вкривь и вкось, отекая, на кроватях. Третий пристыл в луже крови на полу – со входным чуть ниже виска и с окровавленным животом, в который он вцепился двумя руками.

Дак, вытащив из-под кровати чёрные мешки, деловито извлекал оттуда оружие. Лесенцов заметил части разобранного СВД.

– Тут их оставим? – спросил Дак обыденным голосом, и поднял глаза на Лесенцова. – У тебя кровь на лбу.

Лесенцов потрогал лоб.

– А... – он посмотрел на пальцы и вспомнил. – Ударился.

– М? – переспросил Дак про убитых.

– Нет, их надо вывезти.

– Сейчас милиция приедет? – спросил Дак.

– Может, – согласился Лесенцов.

Они перетащили все трупы в комнату с телеви- зором.

Выключили телевизор, воду в ванной и на кухне, свет во всех комнатах.

Ключ от входной двери торчал в замке.

Лесенцов выглянул в подъезд: было тихо.

Когда они уже вышли, взяв с собою три чёрных длинных сумки, полных оружия и б/к, выше этажом открылась дверь.

Лесенцов быстро, но тихо извлёк свой ПМ, Дак прижался спиной к стене, взяв автомат на изготовку.

– Это соседка, – сказал Лютик.

– Там милиция, – прошептала свистящим голосом соседка, склоняясь к ним через перила. – Сюда идите.

Когда милиция справилась с кодовым замком и оказалась в подъезде, Лесенцов и трое его людей уже были в квартире соседки.

Оставив приоткрытой дверь, они прислушивалась к происходящему внизу.

Спустя полминуты соседка вышла на звук поднимающихся шагов.

Лесенцов встал на её место у дверей, Дак – рядом. Он поинтересовался кивком: что будем делать? Лесенцов отрицательно качнул головой: ничего.

В щель голоса снизу были хорошо слышны, но Лесенцов всё равно распахнул дверь чуть шире.

– Соседи вызвали, – слышался мужской голос. – Говорят, у вас тут стрельба.

– У нас? – очень искренне удивилась соседка. – На улицах стреляют весь день. И соседские ребята – то музыку включают, то ещё чего. Думала, из-за них!

– Да, мы их опросили. Но они у соседнего дома стоят. Сказали, что петарды взрывали. Но не стреляли. А стреляли, соседи сообщают, здесь.

– Нет-нет, – сказала соседка убеждённо. – У нас не стреляли.

Лесенцов сначала услышал звук открываемого замка, а потом увидел, как медленно распахивается дверь в квартире напротив.

Там образовался мужчина, уже готовый выйти на площадку – нога в тапочке была занесена, – но, увидев, Лесенцова, он вздрогнул и поставил ногу на место.

Лесенцов держал в согнутой руке, на уровне своего лица, ПМ. Он дважды качнул глушителем, показывая: закройте дверь, пожалуйста.

Мужчина так же тихо закрыл дверь.

– Никто посторонний не заходил в подъезд? – не унималась милиция внизу.

– Нет-нет, – уверенно отвечала соседка.

– Там машина стоит с российскими номерами, не знаете, к кому приехала?

– У соседнего подъезда? Это, наверное, к Михаилу Семёнычу – у него родня в России, он хочет выехать. Пойдёмте, провожу. Я номер квартиры не помню, а на память проведу. По обшивке его дверь узнаю. То ли третий этаж, то ли четвёртый. Михаил Семёнович, может, и вызывал милицию. Всё время вызывает. Никакого покоя с ним нет. Везде сепаратисты мерещатся.

Милиция послушалась соседки.

Хлопнула входная дверь в подъезд.
– Они не уедут, – сказал Лесенцов.
Скрип и Лютик смотрели на него, дожидаясь решения. Дак чуть покусывал нижнюю губу.
– Я выйду к ним, – решил Лесенцов.
– погоди, – сказал Дак. – Вытри кровь хотя бы. Насохла.
Он взял с вешалки первую попавшуюся тряпку – оказавшуюся дешёвым шарфиком, – и бережно приложил ко лбу Лесенцова.
Ещё раз посмотрел на лоб:
– Заметно. Спросят, откуда... Кровь, вроде, не течёт больше.
Лесенцов передал свой пистолет Лютику.
– На одежде крови нет? Ну-ка, посмотрите... – он развёл руки, и повернулся боком. – Так. Ждите меня здесь. Если что – звоните людям Командира. Скажите, что вас штурмуют менты. Пусть едут на выручку... Но попробуем выкрутиться.

* * *

Водитель патрульной машины, стоя на улице, курил, и не увидел, как Лесенцов, стараясь не производить никакого шума, вышел из подъезда.

Лесенцов был замечен только когда он, открыв дверь “паджерика”, уже уселся, завёл машину и успел на ощупь найти кепку, лежавшую в заднем кармане переднего правого сиденья.

– Выйдите, пожалуйста, – попросил спешно подошедший водитель патруля.

Лесенцов улыбнулся:

– А в чём дело?

– Выйдите, я вам говорю.

– Хорошо, – сказал Лесенцов, и, заглушив “паджерик”, вышел.

Хлопнула дверь ближайшего подъезда: водитель успел вызвать своих по рации.

Лесенцов услышал неподалёку всё тот же женский голос:

– Значит, уехал уже Михал Семёныч. Значит, в России уже. Бегут, труссы. Он всегда был трус.

К “паджерик” приблизились два человека с нашивками “Міліція”, и соседка за ними вослед.

– Сержант Бондаренко, – представился один из сотрудников; Лесенцов снова улыбнулся. – Вы с какой целью здесь?

– К знакомому заезжал. К Михаилу Семёновичу, – ответил Лесенцов.

– А почему не у него?

– Так нет его.

– Когда мы подъехали – вас в машине не было.

– Приспичило. За угол отошёл, – в третий раз улыбнулся Лесенцов.

– А где Михаил Семёнович живёт?

– Так в этом подъезде, – кивнул Лесенцов. – Вы ж оттуда только что вышли.

– В какой квартире?

– В шестой же, я ж вам показала! – встряла соседка.

– Женщина, – угрожающе сказал Бондаренко. – Вернитесь домой.

– Я ж помогаю вам! Зачем так грубо? – оскорбилась соседка.

– Спасибо за помощь, – бесстрастно процедил Бондаренко. – Можете идти, гражданка; вы ведь на четвёртом этаже у нас?

– Пожалуйста и вам, соколики, – сказала соседка обиженно, и действительно пошла, не отвечая на обращённый к ней вопрос.

– Женщина! – окликнул сержант Бондаренко.

- Мать твоя – женщина, – ответила соседка, по-мужски отбивая шаг рукой.
- Откройте машину, мы досмотрим, – попросил Бондаренко Лесенцова.
- Вроде кончились эти времена, – пожал плечами Лесенцов.
- Где кончились? – спросил Бондаренко почти со злобой. – У вас в России?

Лесенцов предпочёл не вступать в спор, но, напротив, поочерёдно распахнул все двери “паджерика”, а следом багажник и капот.

Несколько минут, подсвечивая себе фонариками, милиция со знанием дела осматривала машину.

- Зачем вам так много сигарет? – спросил Бондаренко. – Для торговли?
- Я их курю, – легко ответил Лесенцов.
- Вам придётся проехать с нами, – сказал Бондаренко. – Для установления личности.
- У меня есть все документы, – ответил Лесенцов.
- И тем не менее, – сказал Бондаренко.
- На своей машине? – поинтересовался Лесенцов.
- Нет. На патрульной.
- Воля ваша, – сказал Лесенцов.
- Будьте добреньки, поднимите руки для досмотра, – попросил другой милиционер, и тщательно охлопал Лесенцова со всех сторон.

Мобильный у Лесенцова не забрали – он держал его, зажав в руке.

По пути, из зарешеченного отделения патрульной машины, Лесенцов написал две смски: Командиру и Лютику.

Оба сообщения Лесенцов тут же удалил.

Доехали минут за десять.

В отделении его оставили ждать на стульчике в коридоре. Рядом уселся один из милиционеров. Иногда он вздыхал.

Коридор был выкрашен в синий цвет.

Никаких звуков в здании не раздавалось.

Видимо, старшего дежурного не было на месте, и сейчас его разыскивали.

Всё затягивалось.

Лесенцов чувствовал, что внутри кто-то медленно высасывает из его сердца кровь.

Если сейчас всё начнёт выясняться, сначала его будут долго пытаться, а потом посадят на двадцать лет. Он выйдет, когда ему будет шестьдесят.

Не менее чем через полчаса на улице раздался шум подъезжающей машины.

Вошёл Командир со своим охранником, и за ними сержант Бондаренко.

– Кому позвонить? – кажется, уже не в первый раз спрашивал Командир.

Он вёл себя самоуверенно и раздражённо.

– Да не надо никому звонить, – на удивление миролюбивым голосом отвечал Бондаренко. – Вы знаете его? – Бондаренко указал на Лесенцова.

Лесенцов на всякий случай поднялся.

– Да, знаю, – ответил Командир.

– Переписал его данные? – спросил Бондаренко у того милиционера, что сторожил Лесенцова.

– Так ты ж не сказал, – ответил ему напарник.

– Не переписал – и не надо. Мы не прячемся, – сказал Командир тоном, которому сложно было перечить. – Нас все телекомпании мира переписали уже. И вы туда же... Не знаю, на кого вы работаете, и кому служить собираетесь. Народу или блядям.

Не оглядываясь, Лесенцов пошёл за Командиром.

На улице стало заметно прохладней.

Лесенцов сел на заднее сиденье чёрного “ленд круизера”, Командир – за руль, его охранник – впереди справа.

– Где твой? – глухо спросил Командир у Лесенцова.

– Велел прибраться им.

– Всё сделали?

– Да. Семеро. Железо забрали.

Командир быстро посмотрел на Лесенцова в зеркало заднего вида.

– Куда тебя?

– Домой, наверное. Где ночую, в смысле.

* * *

В полночь Лютик написал, что всё в порядке, но потом отключился.

К часу ночи они должны были уже успеть управиться со всеми делами.

Лесенцов раз сорок подходил к окну, пугаясь увидеть милицию.

Раздумывал, не уйти ли из дома, – но никто ведь, кроме Командира, Лютика и Скрипа, не знал его квартиры, – а эти трое вроде бы по-прежнему оставались на свободе.

Да и куда идти? Просто на улицу? И сидеть там на лавочке? Или совсем уйти? Пешком к границе? А зачем? Всё ведь уже случилось.

У Лесенцова имелось две бутылки водки, и одну из них он минут за пятнадцать выпил, не закусывая, а лишь запивая водой из-под крана, но так ничего и не почувствовал.

Голова раскалывалась.

Ужасно хотелось курить.

Все сигареты остались в машине.

Он выпил ещё десять кружек воды из-под крана.

Открыл вторую бутылку водки, но пить не стал.

В три ночи его стошнило.

В раковине осталась пена.

Некоторое время Лесенцов раздумывал о том, почему его тошнило пеной.

Потом снова пил воду.

Лютик, Скрип и Док явились только в пять утра, пропахшие потом и очень грязные.

– Чего ж так долго? – спросил Лесенцов шёпотом.

– ...так восьмой пришёл, – пояснил Лютик. – Пока этих семерых укутывали в одеяла.

Три коротких один длинный. Как положено.

Лесенцов перевёл глаза на Дака. Тот устало кивнул.

Лесенцов посмотрел на Скрипа. Он тоже мотнул ослабшей головой, показав челюстью на Дака.

– Ну? – попросил уточнений Лесенцов.

– Дак его... – сказал каким-то выцветшим и совершенно осипшим голосом Скрип. – Кухонным ножом... Не стрелять же снова.

Лесенцов вздохнул.

– Дальше?

– Ты ж сказал: убрать их, – ответил Лютик.

– И что? – спросил Лесенцов.

– Закопали в таком месте... – рассказал Лютик, даже чуть улыбнувшись. – Сами теперь не найдём, если захотим.

Лютик, заметил Лесенцов, был заметно чище и бодрей Дака и Скрипа.

– На кой чёрт? – спросил Лесенцов.

– Чего на кой чёрт? – переспросил Лютик.

– Закопали на кой чёрт?

– Ты ж сказал, – повторил Лютик.

– Го-о-осподи... – шёпотом пропел Лесенцов. – Лютик, ты же местный! Даже я знаю: там старая шахта в полукилометре! Туда можно дивизию перекидать вместе с лошадьми! Вы ж должны были за пятнадцать минут управиться! Сам рассказывал, как вы должников туда к шахте возили – запугивать!

– Ты ж не говорил про шахту, – сказал Лютик. – Да и я в машине сидел, на стрёме. Дак со Скрипом рыли. Подручными средствами... – здесь Лютик откровенно улыбнулся.

– Лютик, скотина, – без голоса, еле шевеля губами, сказал Скрип. – Ты о чём думал? Я в землеройку обратился за ночь.

– А ты? – спросил Лютик, на всякий случай отступая от Скрипа на шаг. – Ты о чём думал? Дак, ни на что не обращая внимания, разулся и спросил, где тут можно умыться.

Лесенцов ещё раз оглядел Лютика и Скрипа и покачал головой: что вот с вами поделаешь, дураки.

– Сигарет тебе принесли, Комбат, – сказал Скрип и подал пачку.

Лесенцов поспешил на кухню – там имелся огонь.

– Чай будете? – спросил он с кухни, уже поставив чайник на плиту.

Сломал три, одну за другой, спички: руки одеревенели.

Чайник отражал ребристым боком жёлтый и слишком яркий свет уличного фонаря.

– ...что мы, звери, что ли, в шахту людей кидать, – продолжал бубнить, стягивая ботинки, Лютик. – Похоронили. По-человечески всё.

Дорога

Вострицкий был высокий, рукастый, любопытный до всего, заводной на всякую радость. На Донбасс он собрался быстро и неожиданно для самого себя.

Попросил отпуск на работе – и, хотя в его конторе даже бухгалтер, маленькая женщина тридцати девяти лет, болела за ополченцев, зная всех полевых командиров по именам и каждое утро изучая сводки с донецких фронтов, – никто не догадался, куда он направляется.

Вострицкий был на отличном счету, ему, если он о чём-то просил, старались не перечить. В отпуск, так в отпуск – генеральный даже не поинтересовался планами Вострицкого на ближайший месяц.

На всём Донбассе Вострицкий никого не знал, но был уверен, что едва приедет – сразу познакомится с кем надо.

Жил Вострицкий один; сумку в дорогу собирать не стал – помимо бритвы и смены белья, только высыпал из аптечки противовоспалительное, пластырь, бинт и ещё какие-то таблетки: пусть будут.

Он служил в армии и догадывался, что нормальные мужики, всерьёз готовящиеся к войне, отправляются туда, отменно закупившись десятками разнообразных вещей, но даже камуфляж решил приобрести на месте – Вострицкий так и не понимал толком из новостей, под кем сейчас граница, и проблем с пограничниками не хотел – ни с чужими, ни со своими.

У него было три подружки – рыжая, русая и брюнетка, – но Вострицкий не нашёл ни одной причины набрать хоть одну из них накануне отъезда, чтоб объяснить.

Объясняться было не о чем.

Вострицкий даже для самого себя ленился проговорить причины, согласно которым он снимался с места. Это было до такой степени понятно, что в словах не нуждалось.

Едва ли он испытывал острую и непримиримую жалость к людям.

Вострицкий знал, что люди умирают. Когда ему было пятнадцать, погиб в аварии отец. Машина восстановлению не подлежала, изуродованного отца хоронили в закрытом гробу.

Призванный в армию, Вострицкий попал на первую чеченскую, в самый её финал. Он дюжину раз ходил на зачистки. Пока долбила артиллерия, Вострицкий с сослуживцами неистово желали, чтоб снарядов выпустили как можно больше – и на месте то ли укрепрайона, то ли просто ставшего поперёк движению федералов селения вообще ничего не осталось. Чем больше разрушат, тем выше у солдат шансы выжить.

Потом они входили в селенья, и смотрели на разнообразно порушенные дома – в одних не было крыши, в других – одной или нескольких стен, а иногда вообще оставалось только облако пыли и каменное крошево – но это если только домик был при жизни маленький, а попало ему в самое сердце.

В домах не всегда, но часто лежали мёртвые люди, каждый раз убитые как-то по-новому. Кого-то сминало в жигу, кто-то лежал, как живой, с осколком, угодившим ровно в открытый рот. Некоторое время Вострицкому помнилась старуха, накрывшая собой старика: их двоих пробил одним осколком насквозь – вот уж обвенчались так обвенчались.

...долго звучал в голове истошный рёв раненого скота. Скот добивали.

Месяц спустя, на очередной зачистке, Вострицкий был ранен в ногу, но до того дважды видел, как его однополчан покидает жизнь – жизнь выдирали словно длинную, вросшую в мясо, кривую занозу, – резким рывком: ещё вздутый розовый пузырь на губах не лопнул, а человека уже нет, вышел.

Можно было бы соврать, что его позвал на новую войну голос крови: в роду его затерялись то ли малороссийские священники, то ли поляки, то ли, наконец, греки, – мнения родственников расходились, а свидетелей, после смерти отца, не осталось. Однако Вострицкий

никогда не бывал ни в Луганске, ни в Донецке, – а только в Киеве: и Киев ему показался беззастенчиво красивым и очень сытым городом. Едва ли его раздражало в тот заезд, что в очередях и в автобусах киевляне норовили с ним говорить исключительно на украинском, как бы подчёркивая свою отдельность и независимость, – хотя отлично владели русским, – всё это вызывало, скорей, щекотные, смешные чувства: будто его начали разыгрывать, а он догадался заранее, и подыграл.

В общем, Вострицкий не ощущал себя старшим чернозёмным братом по отношению к Украине; он даже в своей природной русскости, скорей, усомнился бы, когда б всерьёз задумался о том: чернявый, с вьющимися волосами, он куда более походил на молдаванина или гагауза.

Иные чудачки, прознав о его отъезде, предположили бы, что Вострицкий заскучал по войне, – но и в этом не было бы никакой правды: не то, чтоб он мучился, или, напротив, гордился чеченскими воспоминаниями, – он про них не слишком помнил. Выпивая в мужской компании, Вострицкий пару раз в ответ на развесистые рассказы товарищей пытался, будто с козырей зайдя, вспомнить и выложить что-то из имевшего место в его службе – но, пока ждал очереди, неизменно увлекался чужой завиральной историей, и забывал про то, чем хотел поделиться.

Едва ли Вострицкий считал себя и свой опыт обычным – но он никак не претендовал на геройское звание: его вполне устраивало то, как им гордилась мать. И ещё то, что и рыжая, и русая его подружки, поочередно узнав про чеченское ранение, целовали сросшуюся рану: рыжая сразу же, едва услышала его рассказ, – настоящим и чуть влажным поцелуем, а русая – утром, когда он спал, – сдвинула одеяло и чуть прикоснулась щекой и самым краем рта к рубцу. Эти два поцелуя он помнил всегда, чуть ли не лучше всех иных телесных приключений; а то, что рыжая не знала про русую, и русая про рыжую, – его не слишком мучило: наверняка он сам про них не знал многого; брюнетке, впрочем, о ранении вообще не стал говорить, а когда она спросила: “Что это у тебя?” – ответил: “Упал, фигня”.

На Донбасс Вострицкий ехал от лёгкости жизни, и ещё оттого, что мироздание, казалось, окосело, скривилось, съехало на бок, – а этого он не любил. Но когда б его поймали на противоречии, спросив, отчего ж его мироздание не треснуло при виде первого мёртвого в кавказском ауле – он пожал бы плечами и спорить отказался.

В поезде на Ростов Вострицкий на всякий случай – и пока не понятно, для кого именно, – придумал байку о том, что дед его воевал на Западной Украине – и память о деде не позволила остаться дома. Хотя воевал у него не дед, а прадед, и не на Западной Украине, а в белорусских партизанских лесах – но, в сущности, всё это не имело значения; воевал же, какая разница где.

В Ростове Вострицкого наметанным глазом тут же заметил местный таксист:

– К границе? – спросил он хрипло; видимо, не в первый раз в подобной ситуации пытаюсь говорить заговорщическим шёпотом, но получалось только так.

Вострицкий огляделся по сторонам: нет ли подвоха? – и сразу догадался, что нет.

Не подав вида, Вострицкий внутренне возликовал: он был похож на ополченца. Ещё не стал им, а уже оказался похож. Наверняка, этот таксист возьмёт с него больше, чем машина, заказанная по телефону в местной службе извоза, – но за таксистскую, столь польстившую Вострицкому наблюдательность, хотелось приплатить.

Они уселись в жёлтый автомобиль.

– Ваши называют границу – “ленточка”. Ну, как у бегунов, – сказал водитель и засмеялся. – Значит, до ленточки. Заправлюсь только, хорошо?

Таксист явно решил, что Вострицкий едет на Донбасс не в первой.

“А потому что я налегке! – догадался Вострицкий. – Нормальные ополченцы едут к «ленточке» с рюкзаками, а я вон каков... Таксист уверен, что мои вещи уже там!”

Дорога заняла почти два часа.

Водитель несколько раз пытался завязать разговор, но Вострицкий отвечал односложно – у него было приподнятое настроение, и он не хотел его растратить на досужую болтовню. К тому же в разговоре пришлось бы признаться, что Донбасс он увидит впервые.

Ему по-мальчишески нравилось выглядеть бывалым, возвращающимся туда, куда большинство иных и заглянуть не посмеет.

К обеду они добрались.

Таксист, не пожелав пассажиру удачи, развернулся и тут же отбыл.

Вострицкий стоял на месте, внимательно оглядываясь.

Здесь всё выглядело иначе.

Воздух посмурнел, хотя по-прежнему, сквозь тучи, припекало.

С той стороны вереницей ползли дешёвые советские машины, полные обескураженных, помятых людей. Каждая машина была перегружена развесистым бараклом – выглядевшим дёшево и оттого бессмысленно.

На ту сторону двигалось машин куда меньше; в них, как правило, сидели сомнительного вида мужчины, не слишком похожие на военных.

“Контрабандисты и прочие пройдохи... – решил для себя Вострицкий. – Впрочем, может, кто-то и за родней едет?..”

Подтверждая его не самые добрые предположения, к нему подошёл невзрачный тип в кепке.

– Ничего перевезти на ту сторону не надо? – спросил он негромко.

– Нет, – ответил Вострицкий.

Минуя очередь, проскочил вперёд бусик с ополченцами – в салоне сидели потные взрослые мужики в потрёпанном камуфляже: явно выкатывались за покупками и возвращались обратно.

Все безропотно посторонились, и бусик заехал под шлагбаум первым.

У Вострицкого заняло под ложечкой: всё-таки он не был одним из них, чего врать-то, – и подскочить к ним с просьбой: “...мужики, захватите, мне на позиции...” – не мог.

Пешая очередь – рассмотрел, наконец, Вострицкий – двигалась по отдельной дорожке.

Он пристроился последним.

В очереди стояли дурно одетые люди: старик в грязной куртке не по росту, следом с огромным животом мужик, поминутно обмахивающий себя замавленной газетой, а за ним две женщины в платках. Платки Вострицкий видел только на автовокзалах, куда прибывали допотопные рейсовые автобусы из деревень, или заходя по случаю в храм, – как раз перед отъездом заглянул, потоптался возле иконы дедушки Серафима, но молиться не стал.

Из будки вышел российский таможенник и, отсчитав шесть человек, запустил их на территорию заставы. Вострицкий оказался предпоследним. Ещё подоспел невысокий, низколобый парень, шелушивший семечки.

Молодая красивая женщина в окошечке – лычки старшего сержанта на тонких плечах – спросила у Вострицкого, куда он направляется и с какой целью.

– В гости, – сказал Вострицкий, и переступил с ноги на ногу. – С целью погостить, – добавил он.

– Самое время, – сказала она и вернула паспорт, не глядя на Вострицкого.

Она была раздражена.

Пограничники прокатали сумку Вострицкого по эскалатору – ничего запрещённого в ней не нашлось. Вострицкий подхватил сумку и вышел из здания.

Сразу после российской таможни – через сто метров по переломанному асфальту – располагалась таможня ополченская, новоросская.

Вострицкий почувствовал, как заторопилось его сердце: он шёл в сторону мягко свисающего и яркого флага Новороссии, и, шагнув через раскрытые ворота, с удовольствием осознал, что будто преодолел тяготение и стал невесом.

Ополченские пограничники и таможенники были одеты в камуфляж, вооружены и небриты.

Они выглядели деловитыми, но Вострицкий сразу заметил, что работа им в новинку: ничем подобным в прежней жизни эти ребята не занимались.

Старика и баб пропустили сразу, а сумку Вострицкого с удовольствием перетрясли. Десять раз на разные лады спросили, не журналист ли он.

“Нет, нет, нет”, – отвечал Вострицкий.

Ничего особенного не найдя в его вещах, ополченцы разом потеряли к нему интерес и перекинулись на захваченную с российской стороны машину, где обнаружилось множество разнообразной камуфляжной формы и плащ-палаток.

Чем-то эти новоросские таможенники и погранцы – Вострицкий так и не понял, кто из них кто, – походили на голодных рыб.

Только сейчас он заметил, что прямо за таможей нарыты окопы и протянута колючая проволока. Бои тут шли совсем недавно: повсюду виднелись воронки.

На боку валялась расстрелянная таможенная будка с выбитым стеклом. Убрать её ленились, и, пожалуй, правильно делали: вид будки сразу давал понять, чего здесь стоит ожидать.

Вострицкий вышел с территории таможни, и оказался теперь уже окончательно свободен и неприкаян.

Какими бы удивительными ни казались ему минуту назад донбасские таможенники – они всё-таки являлись людьми при исполнении, к тому же работавшими в ста метрах от российской границы.

Здесь же, в трёх шагах от погранстола, стелилась земля, где не действовали никакие мировые законы. Ни одно в мире государство не признавало местных администраций. Люди, обитавшие здесь, не подчинялись никому извне. Более того, изнутри они тоже никем толком не управлялись.

Вострицкий достал пачку сигарет и неспешно закурил.

Очередь машин с беженцами была огромна: она тянулась до ближайшего поворота, и уходила дальше. Только в поле зрения оказались десятки машин. Вполне возможно, что за поворотом счёт шёл уже на сотни.

Вокруг бегали многочисленные мелкие собаки: не городские дворняжки, а кем-то оставленные или потерявшиеся метисы.

Две мелкие, но необычайно быстрые псинки сделали несколько кругов возле Вострицкого, обнюхали его ноги и отбежали, но не слишком далеко.

Собаки внимательно наблюдали за подъезжающими и уезжающими, ища, кто мог бы оказаться им полезным.

Обогнув очередь беженцев, подлетел “козелок”, полный ополченцев кавказского вида. Они были необычайно веселы. С визгом притормозив в метра от шлагбаума, горбоносные бойцы вывалились из машины, и принялись по очереди обнимать и хлопать по спине одного из их компании: видимо, тот отбивал домой.

Ещё через минуту подъехал другой козелок, и оттуда снова высыпала толпа вооружённых и хохочущих мужиков. Они тоже провожали товарища. У товарища была перевязана правая рука. Он пожимал всем ладони чуть неловкой левой и заметно морщился от боли, если его обнимали сильнее, чем следовало.

Вострицкому всё это с ужасной силой нравилось.

Он мог бы показаться безнравственным человеком, но Вострицкий так о себе не думал.

Стоявшие в очереди будто бы находились от ополченцев отдельно. Они не смотрели на них с добром и благодарностью, но и неприязни в их взглядах не чувствовалось.

Вдоль обочины крупные тётки и неприветливые мужики торговали пирожками и чаем, разложив товар на лотках.

Вострицкий не был голоден, но всё равно направился туда.

Он чуть вспотел и, пожалуй, притомился, но обоняние и зрение его обострились: Вострицкий чувствовал, как струится вокруг него слоистый, сияющий воздух, слышал запах пыли и оружия, и даже различал, как по-разному пахнут беженцы и ополченцы.

Вослед Вострицкому побежали две мелкие собаки. Они обгоняли его – и тут же оглядывались, рисуя своими движениями хитрые зигзаги и круги.

Проходя мимо козелка, Вострицкий отдельными чёткими нотами услышал запах шин и колотого, горячего асфальта.

Он купил три пирожка, и поломав на куски, два сразу же покидал собакам. На съестное сбежались ещё несколько псин, и, чтоб отвязаться от них, Вострицкий поспешил прочь, пытаясь найти место, куда можно поставить стаканчик с чаем.

Такого места не было.

Держась за самый верх пластикового стаканчика, Вострицкий слил немного чая на дорогу и тут же совсем чуть-чуть отхлебнул. Чай оказался переслащённым; к тому же Вострицкий сразу обжёг язык и нёбо.

Надо было думать, на чём добираться в Луганск или Донецк, или ещё куда – быть может, в Краснодар, до которого отсюда было ближе всего.

Таксистов поблизости почему-то не наблюдалось.

На обочине стояли десятка полтора разномастных машин, и почти все – закрытые. Куда подевались водители этих машин, Вострицкий не очень понимал.

Выбрав самую побитую из них – проржавелую красную “четвёрку” – он подошёл и бережно поставил стаканчик с чаем на крышу.

Наконец, укусил пирожок. Пальцы от него были в масле. Пирожок на вкус оказался так себе.

Тут же явились собаки и начали кружить, то подпрыгивая, то подлаивая на Вострицкого.

Похоже, они целые сутки проводили в поисках пищи. Среди собак не было крупных псов. Значит, крупные одичали и умерли самыми первыми.

С территории новороссийской таможни вышла деловитая женщина лет пятидесяти, и уверенно пошла, разглядывая машины: судя по всему, они искала того, кто за ней должен приехать.

Дойдя до “четвёрки”, возле которой пил чай Вострицкий, остановилась и тут же, не здороваясь, заговорила, словно давно его знала и продолжала какой-то разговор:

– Ведь какие мужики бегут, – и указала на очередь. – Я им говорю: русские, что ли, должны приехать вас выручать? Повоюйте сами-то, – и тут же, без перехода, на полтона повысив голос, добавила: – Приезжали тут за сынками с западенщины. Искали, не смогли найти. Я говорю: вон в ту посадку сходите, там полно ваших так и лежат, пахнет от них...

Вострицкий не стал оглядываться в ту сторону, куда она указала, потому что там никакой посадки не было.

Женщина выглядела совершенно нормальной и очень спокойной.

Через минуту за ней подъехала машина с местными номерами.

Пирожок Вострицкий не доел и отдал собакам.

Закурил очередную сигарету и заметил, что начал темнеть.

Ему отчего-то нравилось здесь стоять и никуда не торопиться, словно судьба должна была сама за ним прийти и забрать его.

Группа людей, сидевших на обломках плит, дождалась чего-то, и ушла на российскую сторону. Вострицкий с удовольствием уселся на их место, и решил покурить ещё, прежде чем приступить к розыску такси или попутки.

Он почти уже освоился в этом воздухе, и был готов.

Здесь его и окликнули по фамилии.

Вострицкий с некоторым недоумением, и не слишком торопясь, поднялся навстречу идущему к нему человеку.

Это был крупный усатый мужчина, русоволосый, малороссийского вида, в джинсах, в голубой рубашке и в жилете со множеством карманов. Под жилетом, на ремне, виднелась кобура, и в ней ПМ.

– Напомните? – попросил его Вострицкий, пожимая мужчине руку.

– С вашей компанией договор заключали. Потом крепко выпили с тобой и твоим директором. Года три как. Тогда и перешли на “ты”.

– Точно! – удивился Вострицкий. – Было. Вроде бы.

У него спуталось несколько подобных случаев в голове: директор Вострицкого был не слишком компанейским, зато Вострицкий мог поддержать любой разговор и смешно шутил, умея при этом никого не задеть. По крайней мере, если не надо было задеть. Если надо – мог и надерзить.

– Меня зовут Александр, – сказал мужчина. – Я, если ты помнишь, местный, украинец. Теперь в парламенте Новороссии состою, так вот судьба распорядилась. А весь бизнес остался на той стороне. С какими целями к нам?

Вострицкий ещё раз быстро оглядел Александра и безыскусно признался:

– Да в ополчение, с какими целями. Вот с такими.

– Тебя кто-то забирает? – спросил Александр, несколько не удивившись.

– Неа, – ответил Вострицкий, улыбаясь.

– Ты в луганское или донецкое?

– А есть разница? – спросил Вострицкий. – Мне всё равно.

– Ну и славно. Поехали в Донецк? Там хотя бы свет есть и вода. Не везде, но есть. Я всё равно пустой. Мой гость отменился.

Вострицкий закинул сумку на плечо.

Двухдверный джип Александра стоял неподалёку – симпатичная и не слишком дорогая машина азиатской, кажется, сборки.

Они уселись и поехали, оба отчего-то довольные.

“Всё налаживается”, – повторил про себя Вострицкий.

За поворотом оказалось, что очередь машин с беженцами была ещё в километр длиной; но они её скоро миновали.

– Здесь был самый опасный участок, – немного погодя сказал Александр, кивнув головой вперёд. – Столько машин перебили. Их танки стояли вон на той высотке и всё простреливали.

Они шли на хорошей скорости по битой-перебитой асфальтовой дороге сквозь степь. Александр облетал выбоины, почти не тормозя, но лишь резко выворачивая руль.

На обочинах, то слева, то справа, стояли сожжённые легковые авто.

Вострицкий заглядывал в каждый салон. Там ничего не было: голый, как скелет, осто́в, поломанные кости рычагов.

– И почти в каждой ехали беженцы, – сказал Александр вообще безо всяких эмоций; очень спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.